

МАСТЕРА СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЫ

КОНСТАНТИН РОТОВ

КАРИКАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» ★ МОСКВА ★ 1970

О РОТОВЕ

Мое знакомство с Константином Павловичем Ротовым началось заочно. Дело было так. Смолоду заинтересовавшись искусством карикатуры, я всегда внимательно рассматривал попадавшие в мои руки сатирические журналы и наиболее приглянувшиеся рисунки вырезывал или в меру своего умения перерисовывал в особую тетрадь.

И теперь, спустя добрых полвека, могу похвастаться, что среди отличных работ художников «Сатирикона» и других выдающихся карикатуристов предоктябрьского периода от моего внимания не ускользнул маленький рисунок, напечатанный летом 1917 года в петроградском сатирическом журнале «Бич». Рисунок изображал уличный митинг и подкупил меня необычайной живостью и выразительностью человеческих фигурок, очерченных четким, уверененным контуром. Была указана Фамилия художника: К. Ротов.

Еще раз с удовольствием рассматривая рисунок, я приобщил его к своей коллекции.

Я тогда, конечно, еще не мог знать, что понравившийся мне рисунок в «Биче» был первой карикатурой Ротова, появившейся в печати. Художнику было тогда 15 лет.

С тех пор от рисунка к рисунку росло и расцветало дарование Константина Павловича, покоряя читателей неиссякаемой изобретательностью, щедростью веселой и озорной фантазии, совершенно необыкновенной способностью подмечать комические детали и черточки в выражении лиц, в поведении, манерах, жестах, движениях людей. Впрочем, Ротов умел видеть смешное не только в людях. С удивительным юмором

изображал он и животных, птиц, насекомых, здания, деревья — все, на что был устремлен его внимательный, зоркий, светящийся добром улыбкой взгляд.

Мало можно назвать художников, которые были бы равны Ротову в богатстве юмористической выдумки и в умении придать ей изящную, отточенную, не боюсь сказать, виртуозную графическую форму.

В волшебной легкости ротовского искусства было что-то моцартовское. Однако вряд ли в ком-нибудь из художников-коллег это рождало темную зависть, подобную той, что терзала душу Сальери. Прежде всего потому, что все очень любили Константина Павловича — милого, скромного, застенчивого. И потом все очень хорошо знали, сколько упорного, самозабвенного, усидчивого труда вкладывал Ротов в свои «легко сделанные» работы. Но трудился он так вдохновенно и весело, с таким увлечением и удовольствием, что рисунки его рождались так же просто и естественно, как рождаются звонкие трели пригретой солнцем певчей птицы.

Ему весело работалось. И весело было смотреть на его работы.

Удивительный природный вкус и безшибочное художественное чувство меры оберегали Ротова от сатирического «пересела», который подчас вредит работам весьма талантливых рисовальщиков. Ротов никогда не уродовал людей, не окарикатуривал их до кретиноподобного обличья, а очень точно, с наблюдательностью веселой и неопровергаемой, беззлобно, но метко подчеркивал их смешные стороны. Ротовский юмор становился увеличительным

стеклом, выпукло и четко выявлявшим комический элемент любой жизненной ситуации.

Зрительная память Ротова была изумительна. Достаточно было ему мельком взглянуть на любой предмет, чтобы безошибочно перенести его потом в рисунок, и притом не копируя натуралистически, а в забавном стилизованном обобщении. Особую прелест придают ротовским рисункам щедро рассыпанные в них приметы времени, сохраняющие атмосферу и неповторимый колорит эпохи.

Ушел Константин Павлович из жизни обидно рано. А как много хорошего мог бы еще создать этот замечательный мастер, сколькими прелестными произведениями своего светлого, оптимистического дарования мог бы порадовать советских людей!

Написано о Ротове еще очень немного, большинство его рисунков незнакомо молодому поколению читателей. Вот почему, как нельзя более нужной и своевременной является настоящая монография о творчестве Константина Ротова. Автор этой работы — заслуженный работник культуры РСФСР Исаак Павлович Абрамский, один из организаторов и первый художественный редактор «Крокодила», не только непосредственно общавшийся с Ротовым на протяжении всей его творческой деятельности, но и связанный с ним личными дружескими отношениями.

Работа И. П. Абрамского создает живой и интересный портрет Константина Павловича Ротова — талантливого художника, обаятельного человека.

Бор. ЕФИМОВ,
народный художник СССР.

— ПОСТОЯННЫЕ ГРАЖДАННИ! ВЫ
ЕЩЕ СО МНОЙ НЕ РАССЧИТАЛИСЬ...

САМЫЙ ВЕСЕЛЫЙ ХУДОЖНИК

Если при жизни Константина Павловича провели бы анкету среди читателей сатирических журналов, кого они считают самым веселым и смешным художником, ответ был бы единогласный: Ротов! Да и сейчас, когда прошло уже десять лет со дня смерти этого замечательного мастера, его рисунки живут полнокровной жизнью, перепечатываются, воспроизводятся в альбомах и сборниках и неизменно продолжают вызывать у читателей искренний и веселый смех.

Ротова смело можно назвать профессором смеха. Это звание он носил бы с честью. Как ни странно, но, кстати сказать, никаких других титулов и отличий у него никогда не было. И академию он тоже не кончал. Зато у него было другое ценнейшее качество: он был талантлив, и талантлив до мозга костей!

Мы знаем и глубоко чтим открыватель новых законов физики и химии, мыслителей и политиков, строителей и первопроходцев, артистов и живописцев. И точно так же история должна сохранить имя замечательного юмориста-рисовальщика, который умел заставить смеяться миллионы и миллионы людей.

А ведь не зря утверждают, что, когда человек смеется, в его организме выделяются какие-то еще неизученные, но весьма важные и полезные для жизни гормоны.

Ротов обладал удивительным чутьем и способностью увидеть в жизни смешное. И смех у него был особый — ротовский. Не только веселый и временами озорной, но неизменно душевный и доброжелательный. Он был влюблен в жизнь, любил людей и если смеялся над их недостатками, то смеялся любя. Вот почему ротовский смех учит человека, его не обижая. А это великое умение!

Желая достойно отметить заслуги Ротова перед нашим обществом, группа молодых советских альпинистов под руководством художника Бориса Иосифовича Жутовского совершила восхождение в верховьях реки Уды в восточных Саянах на доселе безымянную вершину высотой выше трех километров. Они оставили там запись,

свидетельствующую, что отныне эта вершина будет носить имя Константина Павловича Ротова. Пик Ротова — великого мастера человеческой улыбки! Это звучит великолепно!

Кости Ротов, взяв как-то в детстве в руки карандаш, так и не выпускал его из рук всю жизнь. Он рисовал всегда и везде: за своим рабочим столом и в трамвае, на улице и в театре, в ресторане и в купе железнодорожного вагона, на заседании и на вечеринке в кругу добрых друзей. Ротов делал наброски, даже сидя у телевизора, подметив вдруг на голубом экране любопытную ситуацию, какими-то смешные детали человеческих взаимоотношений.

«Рисовать начал с тех пор, как помнил себя», — пишет Ротов. — Определить профессию помогла европейская война. В те времена изрисовал десятки альбомов, просматривая множество журналов. Первый рисунок, напечатанный в 1917 году в «Биче», окончательно сделал меня художником-рисовальщиком¹.

В ростовских газетах и журналах

ЖЕНА: — Читай доклад, читай!

МУЖ: — Довольно, Машенька! Он и так уже спит, как на общем собрании.

1927

¹ К. Ротов. О газетной графике. «Журналист», 1929 г., № 3.

рисунки Ротова начали появляться, когда ему было всего четырнадцать лет. Он активно сотрудничал в Доиросте, оформляя «Окна РОСТА», листовки, агитационные брошюры. Работал в местном Полиграфстве и Ростовском отделении Госиздата.

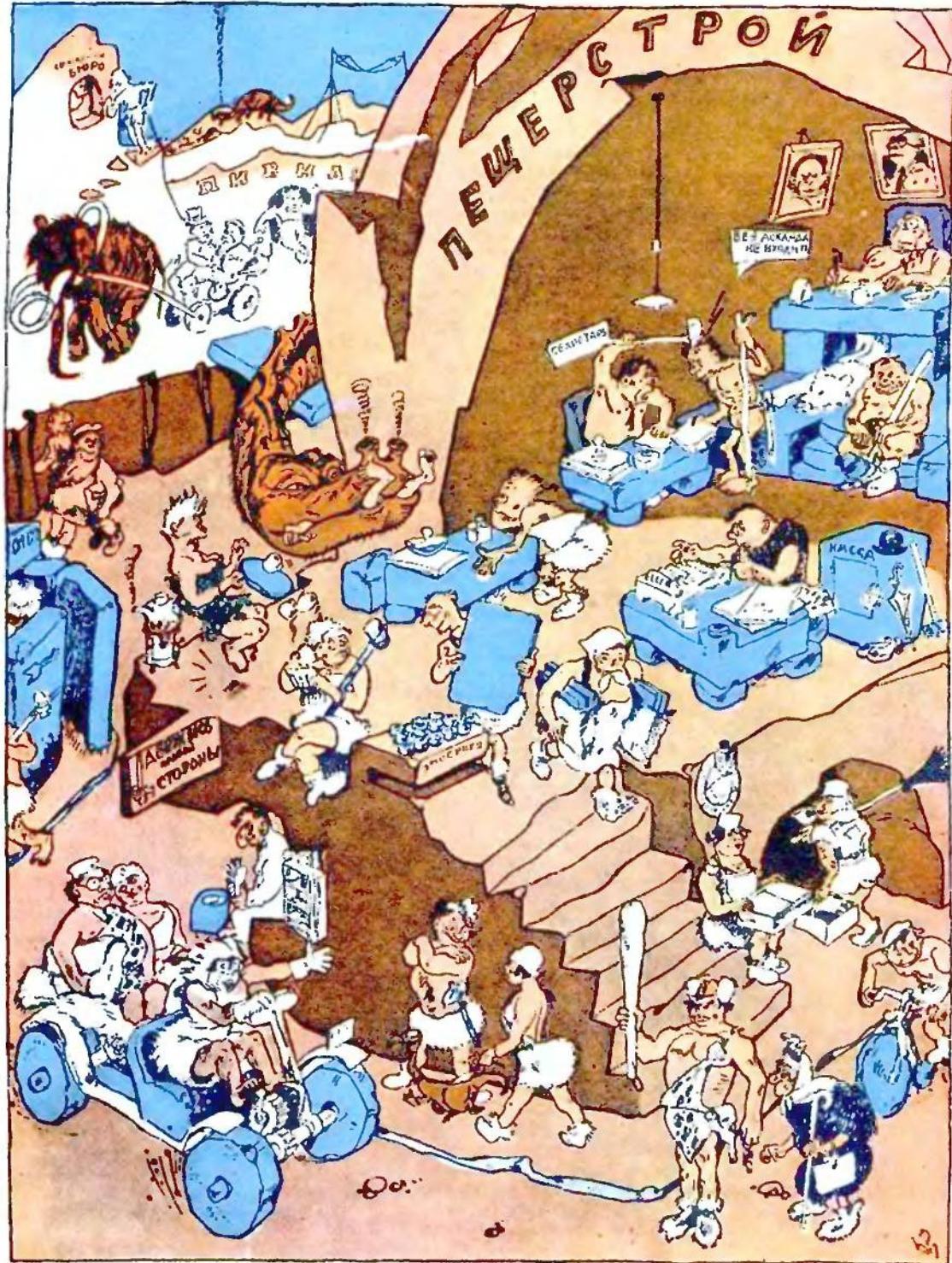
Уже в Москве художник выпустил множество плакатов в содружестве с Владимиром Маяковским, Демьяном Бедным, Николаем Асеевым, рисовал в «Окнах Изогиза».

Когда ротовский земляк Леонид Сергеевич Ленч, переехал из Ростова в Москву, начал помещать в журналах свои первые рассказы, он был очень польщен тем, что такой художник, как Ротов, взялся делать к ним иллюстрации. В 1939 году в Госиздате вышла первая книжка Л. Ленча — «Знакомое лицо», где на обложке Ротов изобразил портрет героя в виде легкого шаржа на молодого автора.

В «Крокодиле» К. П. Ротов начал сотрудничать с первых лет его существования и работал в нем до конца своей жизни, став одним из основных художников этого старейшего советского сатирического журнала.

Не было ни одного более или менее значительного периодического издания, которое не добивалось бы возможности поместить на своих страницах рисунок Ротова («Красная Нива», «Прожектор», «Огонек», «Лапоть», «Смохач» и, наконец, редактировавшийся Михаилом Колызовым журнал «Чудак», в котором Ротов работал с большим увлечением).

Как-то, во время нашей поездки по Волге вместе с Василием Ивановичем Лебедевым-Кумачом с Ротовым приключился такой любопытный случай. В часы длительной стоянки теплохода в Горьком мы пошли прогуляться по берегу. Во время привала Константин Павлович острой палочкой нарисовал на мокром песке целый юмористический рассказ. Каково же было наше удивление, когда на обратном пути мы увидели, что рисунок, выполненный в столь необычной «технике», не только цел и невредим, но почитатели таланта неизвестного художника сделали вокруг раму из песка, инкрустированную аккуратно выложенными камешками. Толпа людей с интересом рассматривала

ВО ТЬМЕ ВРЕМЕН

(Канцелярия эпохи каменного века)

Всякий, кто хоть немного знаком с современной канцелярией, может найти в этой картине из далеких доисторических времен некоторые общие черты, отчасти близкие нашей канцелярской современности. Такова закономерность культурного развития.

1927

очень смешной по обыкновению рисунок. Раздавались взрывы хохота...

Ротов рисовал удивительно легко и непринужденно, как бы играя. Чувствовалось, что он получает величайшее наслаждение от самого процесса творчества. Оно захватывало все его существо. В часы работы он как бы преображался. Все его жизненные силы сосредоточивались в острье карандаша, которым он необычайно быстро и уверенно набрасывал контуры будущего рисунка.

Даже сидя в кино (а Ротов его очень любил), он подмечал в мелькающих на экране кадрах любопытные детали, которые потом использовал в своих юмористических композициях.

Не успевал он услышать какую-нибудь шутку или смешной рассказ, как у него с кибернетической быстротой возникала композиция массового рисунка, и он спешил закрепить ее на бумаге. Он успокаивался, только когда на листе ватмана отчетливо вырисовывались контуры новой работы.

Есть что-то общее в творческом методе художника Константина Ротова и писателя Михаила Зощенко — двух наиболее ярких представителей юмористического жанра. Зощенко садился записывать на бумагу свой новый рассказ только после того, как его сюжет во всех деталях уже созревал в голове писателя. Точно так же, когда Ротов садился рисовать, он мог так быстро создавать свои сложнейшие композиции только потому, что в своем воображении, как на своеобразном экране, уже видел будущий рисунок со всеми мельчайшими подробностями. Но на этом параллель с творчеством Зощенко кончается. Михаил Михайлович очень долго, иногда мучительно, вынашивал сюжетную композицию рассказа и стилистику его изложения. Ротов же был необычайно стремителен в творческом осуществлении своего замысла.

Мы с Костей жили на Клязьме в одной даче, и я из окна своей комнаты часто с интересом наблюдал, как он работал, сидя на террасе в своей любимой позе, положив ногу на стул. Художник одновременно работал, курил и успевал еще поиграть с резвым котенком, тут же привязанным на ленточке к стулу. Найдя неожиданно ка-

— Товарищ Ларин, а ну, давай посмотрим, нет ли кого поблизости...

— Теперь я тебе смело скажу: наш директор — бюрократ!..

кую-то смешную деталь рисунка, он улыбался и иногда посмеивался вслух.

Никогда не делая предварительных набросков и эскизов, он приконопливал к доске лист ватмана и сразу начинал рисовать.

Константина Павловича как-то спросили в редакции «Крокодила», почему он не пользуется фонарем, при помощи которого некоторые художники «на просвет» перерисовывают на будущий оригинал отдельные уже нарисованные части рисунка.

— А он мне не нужен,— по обыкновению улыбаясь, говорил Ротов.— Когда я начинаю делать любой рисунок, пусть самый сложный, у меня вся его композиция уже в голове...

И уже через несколько часов он начинал обводить тушью сложнейший рисунок, в котором изображена добрая сотня человеческих фигур. На одну его компоновку другой художник потратил бы несколько дней!

Ротов почти не знал, что значит длительная, часто мучительная, работа над композицией, бесконечные переделки рисунка, новые варианты, которые иногда оказываются, кстати сказать, хуже предыдущих...

Рисовал он своим необычайно точным, предельно выразительным «ротовским» штрихом — изящным и несколько изысканным,— создавая совершеннейшие юмористические композиции, которые способна была родить его чудесная фантазия.

Есть в ротовском штрихе и острые, динамичная выразительность художественного почерка Михаила Черемных и мужественная четкость графики Дмитрия Моора. И вместе с тем Ротов сугубо индивидуален и неповторим.

Блестящая игра ротовского воображения всегда питалась окружающей действительностью, из которой он неизменно черпал свои впечатления и оригинальные комические выдумки.

Однажды, сидя на весьма унылом совещании, Ротов по обыкновению что-то рисовал. Я через плечо заглянул в Кости блокнот и невольно рассмеялся. Ротов изобразил двух участников скучного совещания, которые незаметно для председателя преспокойно слят, так как на стеклах их очков предусмотрительно нарисованы внимательно глядящие зрачки их глаз...

Я толкнул Костю в бок и шепотом попросил его дать мне этот рисунок.

— Зачем тебе? — спросил Ротов.

— В номер дадим! — сказал я ему на ухо.

— Да что ты... — рассмеялся Костя, — это ведь просто чепуха!

Он совершенно не подозревал, что этот рисунок станет впоследствии од-

ним из его весьма популярных произведений.

На редкость эмоциональный художник умел так разговаривать со зрителем на своем графическом языке, что иногда подпись под его рисунками была совершенно излишней. Его динамичный и в то же время плавный штрих был словно озвучен и «беседовал» с читате-

лем, отлично понимавшим все изображенные детали артистичного рисунка.

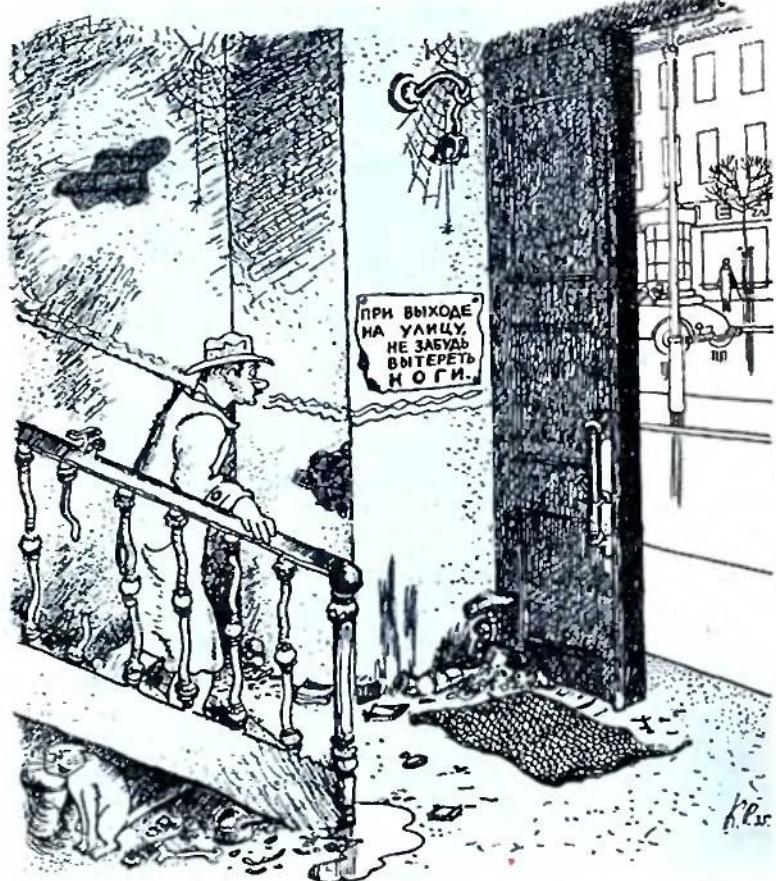
Исследуя творчество мастера, всегда ищут, откуда идут его юорни, чьи традиции он наследует, на кого похож. Ротов очень самобытен, имеет свое глубоко индивидуальное творческое лицо. На выставке не надо подходить к этикетке, чтобы посмотреть фамилию художника. И так сразу видно, что рисовал Константин Ротов.

Как немногие другие, Ротов владел умением разговаривать с народом своим искусством, будучи по-настоящему доходчивым, понятным и доступным для понимания. И именно в этом кроется «секрет» необычайной популярности его творчества. Интересный случай произошел с Константином Павловичем во время заграничного похода кораблей Черноморского военного флота, когда он вместе с Борисом Ефимовым, Ильей Ильфом и Евгением Петровым оказался в Стамбуле. Им захотелось взглянуть на местную достопримечательность — подземное озеро, но никак не удавалось узнать у местных жителей, где оно находится. Они не понимали, что интересует гостей. Тогда Ротов быстро изобразил в блокноте озеро, которого никогда в жизни не видел. И этого оказалось достаточно, чтобы первый же встречный показал им дорогу.

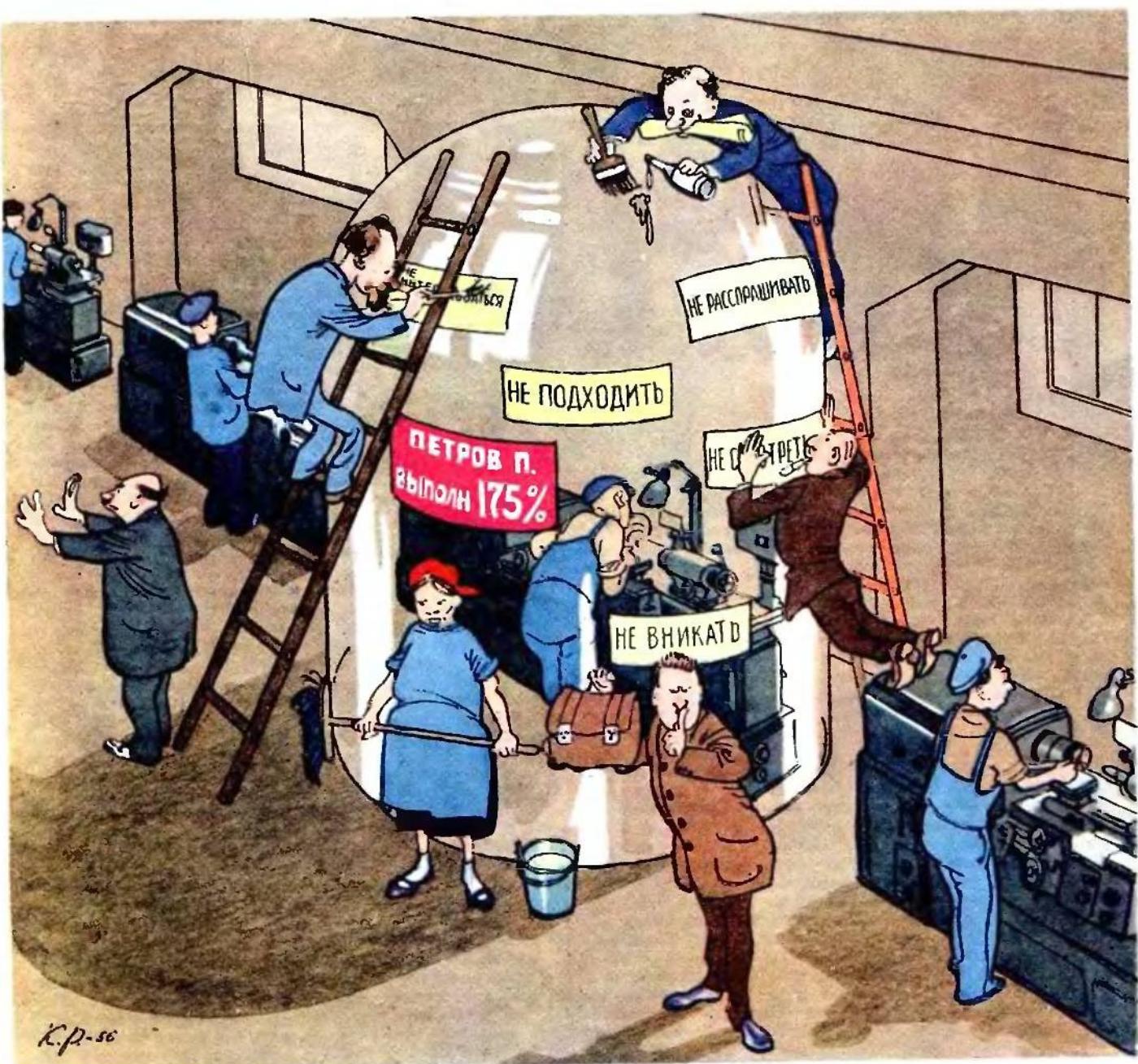
Ротова признают и любят все — от старого до малого, от академика до пастуха, от профессора до слесаря. И можно без всякого преувеличения сказать именно о таком рисовальщике, как Ротов: это подлинно народный художник.

В редакции «Крокодила» в первые годы существования журнала был заведен толстенный альбом в парусиновом переплете. В этом альбоме каждый из приходящих в редакцию литераторов и художников оставлял свои записи и рисунки. Регулярно развились на его страницах поэты, прозаики и, конечно, художники.

Как рисунки, так и текст были посвящены главным образом темам внутренней крокодильской жизни. Некоторые страницы были заняты словесными и графическими дуэлями между разными авторами. Один напишет, другой ему тут же возразит. На рисунок художники отвечали рисунком...

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

K.P.-56

НОВАТОР ПЕТРОВ И ЕГО ОПЕКУНЫ

1956

ЛЖЕУДАРНИК НА СТРОЙКЕ

1932

Немало блесток подлинного юмора и остроумия было разбросано на листах этого знаменитого альбома, но и здесь бесспорное первенство принадлежало рисункам Кости Ротова.

Высоко ценил ротовский талант Алексей Максимович Горький. Хочется привести его высказывания о творчестве Константина Павловича во время беседы Алексея Максимовича с редактором «Крокодила» М. З. Мануйльским в 1932 году, на которой мне довелось присутствовать. Речь шла о знаменитых «крокодильских» «вилах в бок». Горький считал, что самое лучшее в журнале — это фактический материал. «Вот только не нравится мне,— говорил Алексей Максимович,— когда вы в своих репликах к «вилах в бок» начинаете угрожать прокурором, милицией. Это — свидетельство вашей литературной слабости, неумения остроумно подать материал. Прингрозить судом может домашняя хозяйка своей соседке на кухне... Кстати, насчет коммунальной кухни — не могу забыть поистине замечательного рисунка в вашем «Крокодиле» под названием «На коммунальной кухне». Удивительный талантлище ваш Ротов. Какой типаж, сколько остроумия, издевки над этими страшными обывателями. Чертовски здорово! По-моему, видел этот рисунок года два-три назад, а до сих пор помню... Да, художники у вас вообще за-

мечательные. А как им у вас работает? Не обижает?.. Глубоко неправильно, что к карикатуристам часто относятся несправедливо, в том числе даже их собратья-художники считают сатирический рисунок искусством второго сорта. Ну не чепуха ли? Ведь если подумать серьезно, то наши художники-сатирики, такие, как Кукрыники и другие ваши художники, всегда находятся на самых передовых позициях. Все их творчество остролицестично, проникнуто насквозь духом современности. Их рисунки — самое сильное, что есть в вашем журнале!»²

Несмотря на то, что жизнь этого замечательного мастера безвременно оборвалась и он мог бы еще много лет радовать народ своим солнечным искусством, он успел сделать очень много—тысячи и тысячи талантливых рисунков.

Уже в первые годы своей работы в сатирических журналах Константин Павлович порадовал читателей такими шедеврами творчества, как «Маленькие разногласия на общей кухне по поводу исчезновения одной иголки для прочистки примуса» (1927), «Во тьме времен» (канцелярия эпохи каменного века) (1927), «Во время футбольного матча» (1928).

Эти и другие массовые композиции сразу создали ему огромную популярность. И это вполне понятно, поскольку в них сочетались неподдельный природный юмор и поражающая изобретательность в придумывании смешных деталей. С особой силой все эти качества проявились в рисунке «Маленькие разногласия на общей квартире», который по своей популярности стоит на одном из первых мест в истории нашей карикатуры.

Здесь щедрый юмор несет в себе одновременно элементы беспощадной сатиры и по своей действенности веселые и беззлобные рисунки Ротова могут поспорить с листами других больших мастеров. Так что часто легкий пулевой смех оказывается даже размельченнее тяжелого орудия сатиры!

«Происшествие на кухне» не просто сатирическая сцена, запечатленная талантливым пером, а своего рода последовательный рассказ о том, как мирное замечание одной соседки по поводу таинственного исчезновения примусной иголки постепенно разгорелось в форменную баталию с применением разно-калиберной техники.

Пересказать словами эту изобразительную новеллу невозможно. Ее надо долго и тщательно рассматривать, находя все новые и новые детали. Но самое главное, что, неся в себе заряд так называемого чистого юмора, он вместе с тем заставляет зрителя задуматься над целым рядом отвратительных явлений, которые тант в себе обычательщина: зазнайством, склонничеством, двуличием и самой непрекрытой мещанской злобой. Обличая с удивительной силой все эти уродства, ротовский юмор бьет по ним действенно и не-примиримо.

В свое время у молодого Ротова были сильные, талантливые соратники по массовым сатирическим композициям — такие уже ушедшие от нас рисовальщики, как Борис Антоновский, Николай Радлов, Бронислав Малаховский.

В наши дни эстафету массового рисунка с большим успехом несет такой великолепный рисовальщик, как Иван Максимович Семенов, обладающий чисто ротовским умением видеть смешное и показать его читателям. Запоминают-

² Журнал «Москва» № 5, 1963 г., стр. 194—195.

сия также многофигурные рисунки Евгения Щеглова, Юрия Федорова, Евгения Веденникова, Анатолия Цееткова, Юрия Узбякова, Германа Огородникова, Евгения Мингуна и других наших советских карикатуристов.

От так называемого чистого юмора, который являлся стихией Ротова, он нередко обращался к работам и более серьезного плана. Таков, например, его отличный ранний рисунок 1925 года «Трудный путь». Рабочий с полушубком боязливо пробирается по улице, а огненные раки, выглядывающие из пивных, стараются его туда затащить. Сделанный всего в два цвета (черный и красный), рисунок очень эмоционален и убедителен. Мрачный черный фон создает почти трагическое ощущение, а розовые отблески света в окнах пивных как бы выражают силу соблазна, испытываемого рабочим пареньком, в котором желание принести домой получку нетронутой борется с искушением завернуть «на огонек». Багровые блики рачьих клешней придают композиции особую выразительность. Таков широчайший диапазон его творчества от мягкой улыбки до трагедийного звучания.

Мне кажется, что у Ротова есть что-то общее с искусством Игоря Ильинского. Вспомним брызгущую стихийным юмором роль Аркаши в «Лесе» Островского и наряду с этим шедевром комедийного мастерства остро трагедийную, потрясающую зрительный зал фигуру правдолюбца Акима в толстовской «Власти тьмы».

Для творчества Ротова, как и Ильинского, характерна любовь к людям. Оба они влюблены в здоровый, жизнерадостный юмор, у обоих творчество согрето неподдельным теплом, проникновенным чувством добра, оптимизмом. Каждая новая роль Ильинского обязательно открытие. Точно так же, как открытием оказывался каждый рисунок Ротова. Таково свойство настоящего таланта!

А ведь часто, глядя на рисунки некоторых художников, испытываешь такое чувство, точно ты уже его где-то видел. В худшем случае это плагиат, в лучшем — перелов самого себя. Унылов ремесленничество, подменяющее насто-

ящее творчество... И тогда начинаешь еще больше ценить подлинный талант, сверкающий на фоне серости и обыденности.

СИМУЛЯНТ

— Нельзя ли мне, доктор, путевку в санаторий? Я болею за социалистическое строительство!

1931

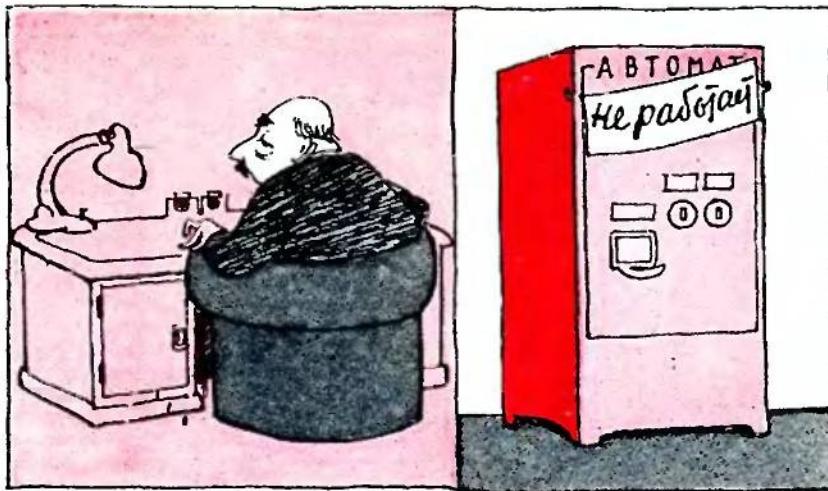
Особую популярность завоевали такие карикатуры Ротова, как «Лжеударник на стройке» (1932) и «Один с сошкой, тридцать с ложкой» (1956), обождшие всю фабрично-заводскую и колхозную печать и сыгравшие значительную роль в борьбе с лодырями за повышение производительности труда. Последний рисунок был даже упомянут с высокой трибуны партийного съезда.

Не имеет себе равного Ротов в области так называемой положительной карикатуры. Обычно художник-сатирик борется своим пером со всем отжившим, негодным, что путается еще в ногах, мешая победоносному поступательному движению нашей страны. Но вместе с тем он с радостью фиксирует в своем творчестве черты и приметы нового, приходящего на смену старому, отжившему.

Константин Ротов умел это делать весело и непринужденно. Возьмем хотя бы известный его рисунок «Караван в пустыне» (1956). В песках Каракумов шествует караван. Впереди, как полагается, туркмен верхом на верблюде, а за ним движется огромная вереница... шагающих экскаваторов, умело управляемых теми же туркменами, которых советская власть вооружила новейшей техникой. Новое сменяет старое! Жизнь идет вперед.

Или веселый рисунок Ротова «18 августа в районе Тушино». Автор изобразил няню, с изумлением наблюдавшую непобедимую звездную армаду новейшей авиационной техники, заполнившую в день воздушного парада все бескрайнее голубое небо. «Силы небесные!» — восклицает потрясенная старушка.

И рядом с ним — злой рисунок о подхалиме, попавшем под машину своего начальника. Полураздавленный, он находит в себе силы, чтобы приподняться и даже изобразить на лице нечто напоминающее ульбку: «Как я счастлив встретиться с вами в личной жизни...» — угодливо лепечет он. Или другой, также хорошо запомнившийся — «Человек, работающий «с огоньком» (1927). Подхалим, дающий прикурить начальнику, в не знающем граници усердия так услужливо изогнулся, что туловище его образовало два полных витка.

Иван Петрович работает, как автомат.

1939

А меткий и ядовитый рисунок «Оборонный секрет» (1937), направленный против болтунов и разгласителей государственных тайн! Эта карикатура отличается экспрессией и легкостью, необычайной даже для Ротова, и сделана в непринужденной эскизной манере. На заднем плане ужинает компания, а на переднем сидят в глубоком кресле глухой старичок. И вот некий неисправимый болтун изо всех сил орет ему на ухо через слуховую трубку: «Дедушка, я вам сейчас что-то расскажу, но только, умоляя вас, никому не передавайте!» А все сидящие за столом, перестав жевать, прислушиваются к этому «секретному» разговору...

Ротовская выдумка и фантазия проявлялись во всем: в темах, разнообразии типажа, остроумии деталей, оригинальности композиции.

В одном из рисунков, посвященных цирку, он достигает удивительного эффекта именно композиционным мастерством. Две трети рисунка покрыты сплошной черной заливкой. И только глядевши, замечаешь силузы двух находящихся на первом плане огромных человеческих голов. Это разговаривающие между собой зрители, сидящие на галерке цирка. Черная заливка переходит в темно-синюю, на фоне которой изображены ряды зрительного зала, сплошь заполненные публикой. В центре рисунка белый фон, создающий впечатление яркого луча прожек-

тора. Он освещает едущего по макету велосипедиста, который умудряется двигаться без переднего колеса и без спиц в заднем ободе. «А ты говорил, — гласит подпись под рисунком, — что на пензенском велосипеде нельзя ездить. Смотри, как приспособился!..»

В другом рисунке, посвященном автобусному транспорту, Ротов придумал забавнейший «образец» специального экскурсионного автобуса, приспособленного для движения по горным южным дорогам благодаря своей гибкой конструкции в виде извиливающейся змеи, поворгающей все повороты петляющего горного шоссе.

Среди некоторых молодых художников стали модными разговоры о том, что реалистическое искусство сатиры будто бы устарело, что смотреть на такие работы скучно. Творчество Константина Ротова блестящее опровергает эту «модную» точку зрения. Все его работы питались непосредственными жизненными впечатлениями, ему было глубоко чуждо бездумное трюкачество, модное искашение формы. И наряду с этим в его рисунках вы найдете и необычайную выдумку, и смелость композиции, и оригинальность ракурсов, и поражающий полет фантазии. То есть все те качества, которые свойственны настоящему, полноценному реалистическому искусству.

Ротову настолько чужды были формалистические вихляния, что из-за от-

рицательного отношения к ним он... не получил специального художественного образования. В своей автобиографии Константин Павлович пишет: «В 1921 году Ростовским Политехникумом я был командирован на учебу в Петроградскую академию, где был принят на графический факультет, но не учился, так как в ту пору среди преподавателей академии преобладали непонятные и чуждые мне формалистические направления...»

Хочется вспомнить и другие ротовские работы. Вот его кусковой рисунок из «Крокодила» за 1934 год. Бюрократ читает какую-то бумагу, затем снимает голову, которая оказывается круглой печатью, и своей же рукой ставит собственную голову-печать на бумагу, которую только что читал... Блистательно!

А как не упомянуть знаменитый его ранний рисунок 1927 года. «Сильное впечатление от живой лошади» — отклика на бурный рост автотранспорта в столице. Обычно художники изображали напуганную автомобилем лошадь, становящуюся на дыбы. У Ротова обыграна обратная «современная» ситуация: лошадь спокойно шествует, ведомая под уздцы, а забеспокоившие автомашины и автобусы, смертельно испуганые никогда не виданной ими живой лошадью.

Ротову вообще необычайно удавались рисунки пародийные, переосмысливенные. Таково его юмористическое прочтение картины Н. Касаткина «Не пущу!». Женщина с ребенком на руках преграждает мужу, одержимому радиотузиауту, вход в магазин культиваторов, куда он направляется за очередной моделью радиоприемника.

Нужно сказать, что в этом рисунке много автобиографического. Ротов сам был «западным» радиолюбителем. Впрочем, он с таким же увлечением занимался фотографией, потом одним из первых купил появившуюся узкопленочную кинокамеру, снимал без конца целевые фильмы...

Особо следует упомянуть серию ротовских рисунков «Старое и новое», среди них «безработная» пожарная каланча, которая не может выполнять своих функций потому, что... застроена со всех сторон высоченными новыми зданиями.

Придя на службу ровно в девять
(Делам служебным чет числа,
И время дорого везде веды),
Он стал «превортьвать» дела.

Его на месте при проверке
Не оказалось, но зато
Он точно в срок поспел
к примерже
Демисезонного пальто.

Дела торопят — шаг ускорен!
Зашел к «зубному». Почему б
Не дать врачу (пусть смотрит
в корень!)
Определить, здоров ли зуб!

Зверей проводил «для порядка»,
Он не бездельничал и тут:
Он льва до нервного припадка
Довел за несколько минут.

Мы правды фактое не нарушим:
«Зоологический» сей пыл
Он охладил прохладным душем
И тело ванной освежил.

Вот, наконец, он снова в тресте...
Он, презиравший в людях лень,
К концу занятий был на месте,
Чтоб завершить рабочий день!

Эмиль КРОТКИЙ

Хочется напомнить и рисунок, посвященный запуску в космос первого искусственного спутника Земли. Смело и величественно обгоняет он в полете волшебного гоголевского черта на метле, ковер-самолет и другие яркие порождения народной фантазии. В сложнейших массовых композициях, включающих сотни людей, Ротов умудрялся не повторять дважды ни одно лицо. Впрочем, однажды он применил обратный прием: нарисовал рисунок с большим количеством персонажей, как две капли воды похожих друг на друга. Это были сотни изображений одного и того же человека — друга Ротова и нашего общего большого друга, поэта и популярного сотрудника почти всех сатирических журналов, симпатичнейшего Михаила Яковлевича Пустынника.

Константин Павлович не раз проявлял это беззлобное творческое озорство. Как-то ему был заказан для очередного номера «Крокодила» рисунок, смысл которого заключался в том, что в бани зимой неожиданно прекратили подачу воды и целая толпа намыленных, полуодетых людей выбегает на улицу. И вот некоторые фигуры этой многолюдной композиции оказались нарисованы Ротовым с портретным сходством... Костя изобразил среди посетителей бани всех основных работников редакции «Крокодила» во главе с редактором журнала Михаилом Захарьевичем Мануильским.

Никто в редакции как-то не обратил на это внимания, рисунок был сдан в производство, и номер вышел в свет.

Боже, какой поднялся переполох, когда в сигнальном экземпляре мы обнаружили ротовскую шалость.

Михаил Захарьевич Мануильский поначалу рассвирепел, метался по кабинету и кричал, что нужно перепечатать номер. Но быстро успокоился и уже через пять минут весело хохотал вместе со всеми нами, узнавая в рисунке отдельных крокодильцев. Уж больно любил смех и ценил все по-настоящему веселое и смешное этот один из лучших редакторов «Крокодила».

И когда через полчаса на пороге появился срочно вызванный Константин Павлович, он был встречен... дружным смехом присутствующих.

— А знаете, Михаил Захарьевич,—

КАПИТАН: — Отдай якоры!
МАТРОС: — Кому?

1936

признался Ротов, — ведь я «рецидивист». Еще в 1925 году пришло мне в голову сделать нечто подобное, и в нашем же «Крокодиле». Когда мне был заказан рисунок на тему из редакционной жизни, я изобразил одного из первых наших редакторов, Николая Ивановича Смирнова, и самого себя, стоящего с оригиналом перед его письменным столом.

— Значит, я уже не первая ваша жертва? — улыбаясь, заметил Мануильский.

Костя Ротов обожал всяческие товарищеские шутки и «розыгрыши», был большим мастером подобных дел.

В редакции это было принято. Крокодильцы любили пошутить, необидно, по-товарищески разыграть друг друга. Вспоминаю, как по инициативе Ротова мы пошутили над Ильфом и Петровым.

Дело было летом на Клязьме, где на большой даче, принадлежавшей Жургаз-объединению, жили И. Ильф, Е. Петров, К. Ротов и писатель Б. Левин. Костя Ротов, как известно, был страстью радиолюбителем. Как только выходил приемник новой марки, он терял к предыдущему всякий интерес и выставлял его в переднюю, где по бокам

двух уже стояли два штабеля радиоаппаратов, точно две диковинных колонны. Однажды Ротов приобрел очередной, только что выпущенный радиоприемник с микрофоном, присоединенным к аппарату. С его помощью можно было передавать любой дикторский текст.

И вот у Кости появилась озорная идея — разыграть Ильфа и Петрова. Мы знали, что они садились завтракать ровно в одиннадцать часов. Как раз над столом на террасе висел громкоговоритель, к которому Ротов незаметно прикрепил длинный провод, идущий в его комнату и соединенный с новым аппаратом.

В обычный час Илья Ильф и Евгений Петров усаживаются за накрытый стол. Евгений Петрович очень любил хорошую сервировку, а Илья Арнольдович был ко всему этому глубоко равнодушен.

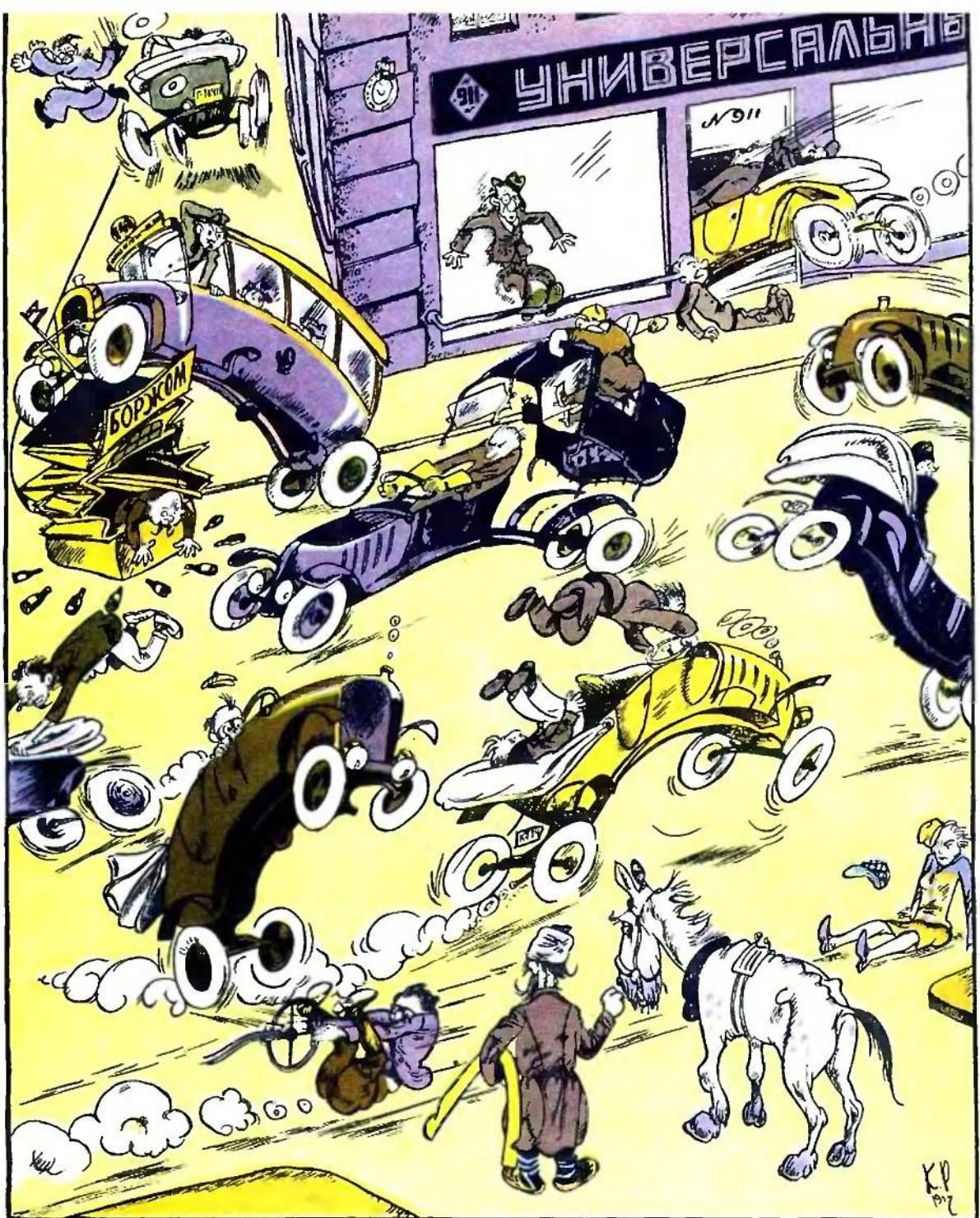
Мы устроили свой наблюдательный пункт за углом террасы, откуда нам отлично было видно выражение лиц наших друзей. В комнате Ротова, находившейся далеко от террасы, сидел у микрофона обученный нами парень, который должен был ровно в одиннадцать часов начать читать заранее написанный текст.

— Алло, алло, говорит Москва! — раздалось из репродукторов. — Одиннадцать часов... Начинаем литературную передачу, посвященную творчеству наших известных писателей-сатириков Ильи Арнольдовича Ильфа и Евгения Петровича Петрова, которые находятся в расцвете своего таланта...

Евгений Петрович весь обратился в слух, кладя на колени белоснежную салфетку, и с довольной улыбкой посмотрел на своего всегда болеедержанного соавтора.

Первая половина передачи была сплошным панегириком. Ильф и Петров завтракали с особым аппетитом, внимая многочисленным комплиментам по своему адресу, на которые мы не поспешили, сочиняя текст передачи.

Однако постепенно похвалы и одобрительные оценки сменялись довольно кислыми критическими замечаниями, и, наконец, из репродуктора разразился целый дождь строгих и возмущенных претензий:

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА НА УЛИЦАХ
МОСКВЫ

СИЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ ЖИ-
ВОЙ ЛОШАДИ

1927

КОКОДИЛ

МОСКВА, АВГУСТ 1927 г.

№ 29

Цена 15 коп.

Рис. К. Ротова

НЕОБХОДИМАЯ ВОЛОКИТА

(НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ)

ЧЕМБЕРЛЕН:
— Неужели не-
льзя было отве-
тить покороче?!

1927

— Да, конечно, Ильф и Петров люди талантливые, но обидно и больно смотреть, на что они растратывают свои большие способности. Шутка сказать, они воспевают одесского пошляка Остапа Бендера, с явной и весьма странной симпатией прославляют этого махрового блатмейстера. Самы того не замечая, советские писатели сползают на обывательские позиции, становясь апологетами мещанства..

Илья Ильф продолжал невозмутимо дожевывать яичницу с ветчиной, но экспансивный Евгений Петрович швырнул в сторону нож и вилку и весь кипел от возмущения. Услыхав последнюю фразу, он не выдержал, вскочил, комкая ни в чем не повинную салфетку, и зевопил:

— Чорт знает что такое! Безобразие! Невозможно слушать! Я так этого не оставлю! Абсолютно искажают смысл нашей вещи! Немедленно едем в Москву жаловаться!..

В этот момент с грохотом, воем и писком мы выскошили из засады. Ходили, помню, долго и мы и разыгранные «братья Гонкурь»...

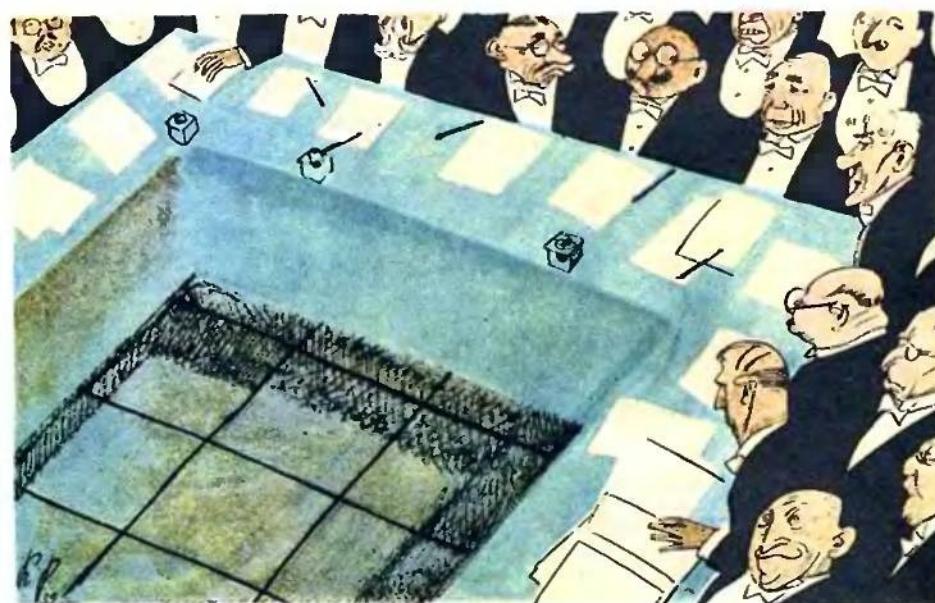
С И. Ильфом и Е. Петровым Ротов был связан многолетней творческой дружбой. Он был первым иллюстратором «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка». Вспоминаю, кстати, азартную игру на волейбольной площадке в Клязьме, в которой активно участвали И. Ильф и Е. Петров, «троица» Кукрыниксов, К. Ротов, писатель Борис Левин и многие другие. Проигравшие должны были на четвереньках пройтись вокруг площадки, громко повторяя одну и ту же фразу: «Я не умею играть в волейбол, научите меня, дурака, играть в волейбол!»

Интересно было наблюдать, как веселился Константин Павлович, глядя на друзей, неуклюже ползавших после проигрыша вокруг площадки. А смеялся он удивительно заразительно, по-детски, растягивая рот до самых ушей. Смеялось все его существо...

Ротов необычайно любил путешествия, всевозможные экскурсии и поездки. Вот почему Константин Павлович с таким энтузиазмом воспринял идею о постройке самолета «Крокодил», на борту которого сотрудники редакции должны были совершать поездки в самые отдаленные уголки страны.

ДЖЕНТЛЬМЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

НОЧНОЙ ГРАБЕЖ

ПОПРАВКА. К сожалению, по недосмотру редакции подписи перепутаны; конечно, под первым рисунком следует читать «Ночной грабеж», а под вторым — «Джентльменское соглашение».

Ему, кстати, редакция поручила подготовить эскиз внешнего оформления самолета «Крокодил», который был с восторгом встречен в редакции и тут же передан в авиационное конструкторское бюро. Это был вопреки Бревому самый настоящий летающий крокодил. Правда, встретилось серьезное техническое затруднение: пасть крокодила и в особенности его зубы создавали нежелательные завихрения воздуха, так что авиаконструкторы и инженеры, которым самим очень понравился ротовский летающий крокодил, потратили немало усилий, чтобы преодолеть эти сложности. Большую помощь оказывал нам в то время начальник агитэскадрильи имени Максима Горького Михаил Ефимович Кольцов.

А когда самолет «Крокодил», вклю-

ченный в состав агитэскадрильи, впервые поднялся в воздух, на его борту, конечно, оказался и автор его художественного оформления Костя Ротов. Вместе с ним в первом рейсе самолета «Крокодил» по маршруту Москва—Харьков — Днепропетровск, кроме литераторов, принимали участие художники Ю. А. Гэнф и Я. М. Бельский. Во время этого полета был собран материал для выпуска специального харьковского номера «Крокодила».

Большое впечатление на крокодильцев, и в том числе на Ротова, произвело народный праздник урожая в Днепропетровске. В этот день повсюду: в кафе, столовых, ресторанах — пекли дымящиеся, ароматные блины. Прямо на улицах были расставлены длинные столы, покрытые белыми ска-

тертами, и народ угощали до отвала отличными блинами с пылу и жару, политыми сметаной и растопленным маслом.

Впечатления свои Ротов выразил в большом рисунке, помещенном в харьковском номере «Крокодила».

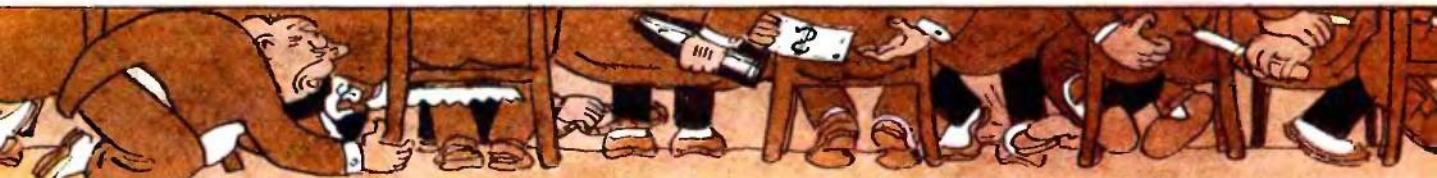
Вскоре Константин Павлович принял активное участие и в другом интересном агитационном начинании «Крокодила». Организована была выездная редакция, работавшая в специально оборудованном железнодорожном вагоне, в котором помещалась и типография, выпускавшая печатную крокодильскую многоструйку и сатирические окна, критиковавшие разные отрицательные явления в жизни сорттировочных станций, депо, линейных участков.

Влюбленность в жизнь, жаждя уни-

НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

Они сидят вместе, как друзья...

...и так любят друг друга...

МАСКИРУЮТ...

1956

ПРИМЕРНАЯ ЖЕНА

— Тс-сс. Тише! Моя жена на коленях умоляет не сокращать меня!

деть своими глазами все новое влекли художника в разные края нашей необъятной страны. Ротов стал непременным участником всех редакционных выездов на фабрики, заводы и предприятия транспорта.

Так, например, управление Днепростроя просило редакцию «Крокодила» прислать творческую бригаду для налаживания агитационной работы на строительстве. Первым, как всегда, откликнулся Костя Ротов.

Наше трехнедельное пребывание на этом гигантском строительстве вспоминается до сих пор.

— Много пришлось поколесить по новостройкам, — говорил впоследствии Константин Павлович, — но ни одна поездка не оставила такого впечатления. Нигде еще, пожалуй, так нарядно и ярко не проявлялся энтузиазм строителей. Работалось весело, легко, несмотря на то, что мы спали по 4—5 часов в сутки...

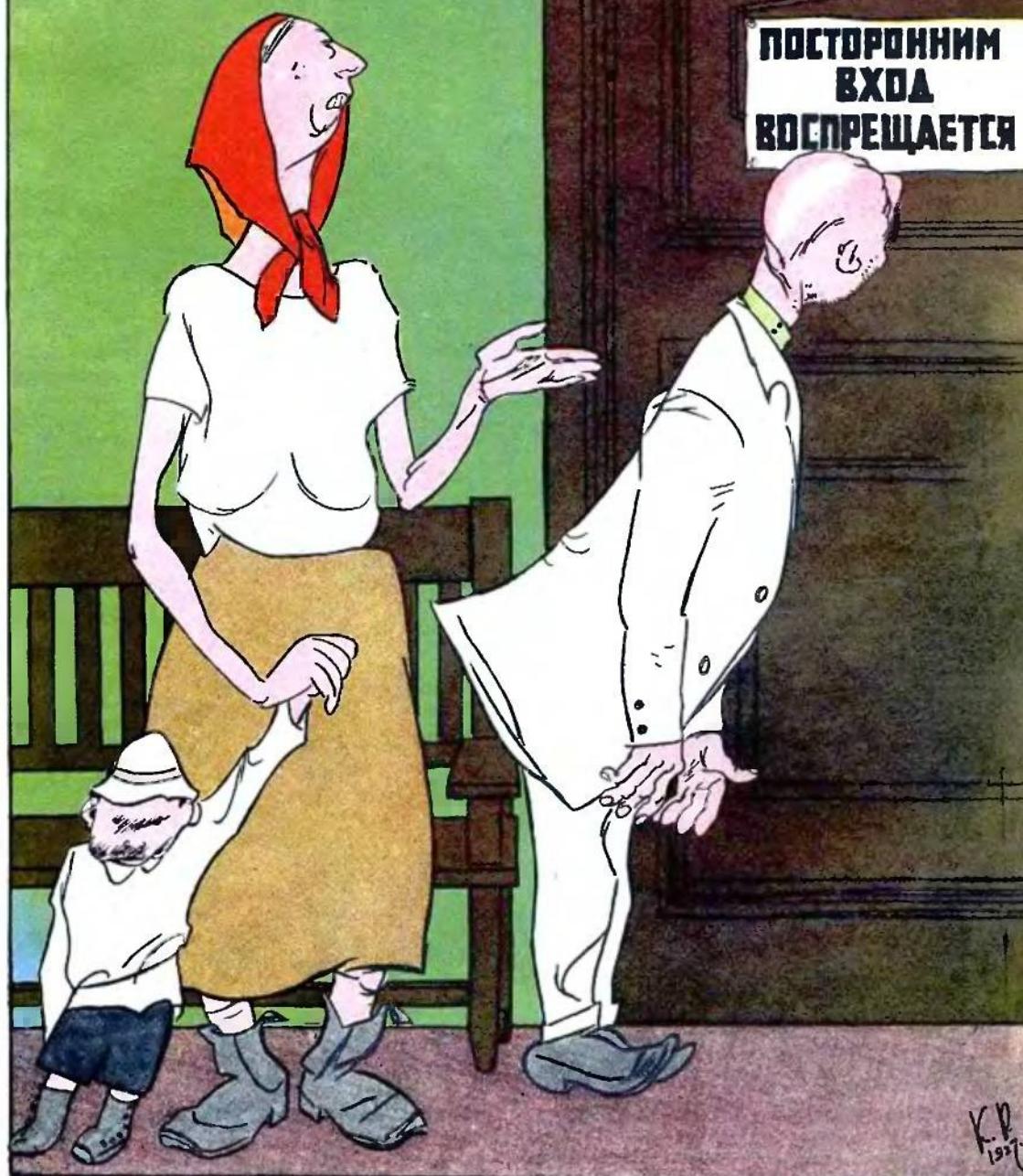
По заданию штаба по руководству соревнованием Константин Павлович делал эскизы больших сатирических плакатов, предназначенных для отстающих участков строительства. Крокодильский плакат висел до тех пор, пока положение на этом участке не выправлялось. Это был своеобразный крокодильский «контроль»...

Любопытен и такой факт из жизни Константина Павловича. Управление Московского трамвая решило обновить внешность вагонов, ставших чересчур старомодными и громоздкими. Эскиз нового вида трамвайного вагона просили сделать Константина Павловича, который вместе с заместителем редактора «Крокодила» художником Я. М. Бельским вел агитационную работу в трамвайных парках, выпуская там сатирические плакаты, листовки, давая веселые и острые рисунки для местных многоотражек.

Поздно вечером, когда они заканчивали работу в Щепетильниковском парке, из его ворот выходил на линию одинокий вагон с надписью «Служебный». Это благодарные трамвайщики развезли по домам засидевшихся у них крокодильцев.

Ротов представил несколько цветных эскизов нового внешнего оформления трамвайного вагона. Одни из них очень

ПОСТОРОННИМ
ВХОД
ВОЗПРЕЩАЕТСЯ

НИ ХОДА, НИ ВХОДА

— До чего же кумовство доходит! Посторонних не токмо на службу, даже в двери не пускают!

1927

K.P.
1927

1936

СЕРЕНАДА СТРОИТЕЛЯ

Строитель, не пой свой Кате:
«Лети же ко мне в объятья!»
Ты видишь, как высоко;
Слететь к тебе неподко.

«Домишко — моей конструкции!
Я знаю свою продукцию.
Позор маловерным истыд,
Прошу убедиться — летит!»

понравился в Моссовете и лег в основу оформления трамвайных составов.

Интересную выдумку проявил Ротов, когда в 1932 году комиссия Моссовета по праздничному оформлению столицы к 1 Мая поручила редакции «Крокодила» сатирическое оформление Кузнецкого моста. В распоряжение художников и литераторов журнала были отданы все витрины магазинов. Но Ротову этого показалось мало. И по его предложению высокая решетка — ограда банковского здания на Кузнецком мосту — была превращена в громадную клетку своеобразного зоологического сада. Только вместо обычновенных «мирных» зверей за решеткой сидели мастера оформления художником чучела империалистических хищников. Здесь были увековечены и алчный тигр-колониалист, и лев-империалист, и социал-соглашательская гиена... Работу эту Ротов провел в содружестве с Юлием Абрамовичем Ганфом.

Оригинальной и в своем роде пророческой оказалась карикатура Ротова на американский доллар. Используя металлический кронштейн для рекламы, укрепленный на одном из зданий Кузнецкого моста, он нарисовал доллар в виде джентльмена во фраке и в традиционном цилиндре, падающего с высоты четвертого этажа. На самом верху был изображен соответствующий орудовский знак и световая надпись: «Осторожно! Падает!».

Десятки тысяч москвичей заполнили в праздничные дни Кузнецкий мост, превратившийся в «Улицу Сатиры». С журнальных полос яркие цветастые рисунки и сатирические стихи перекочевали на одну из самых оживленных улиц столицы.

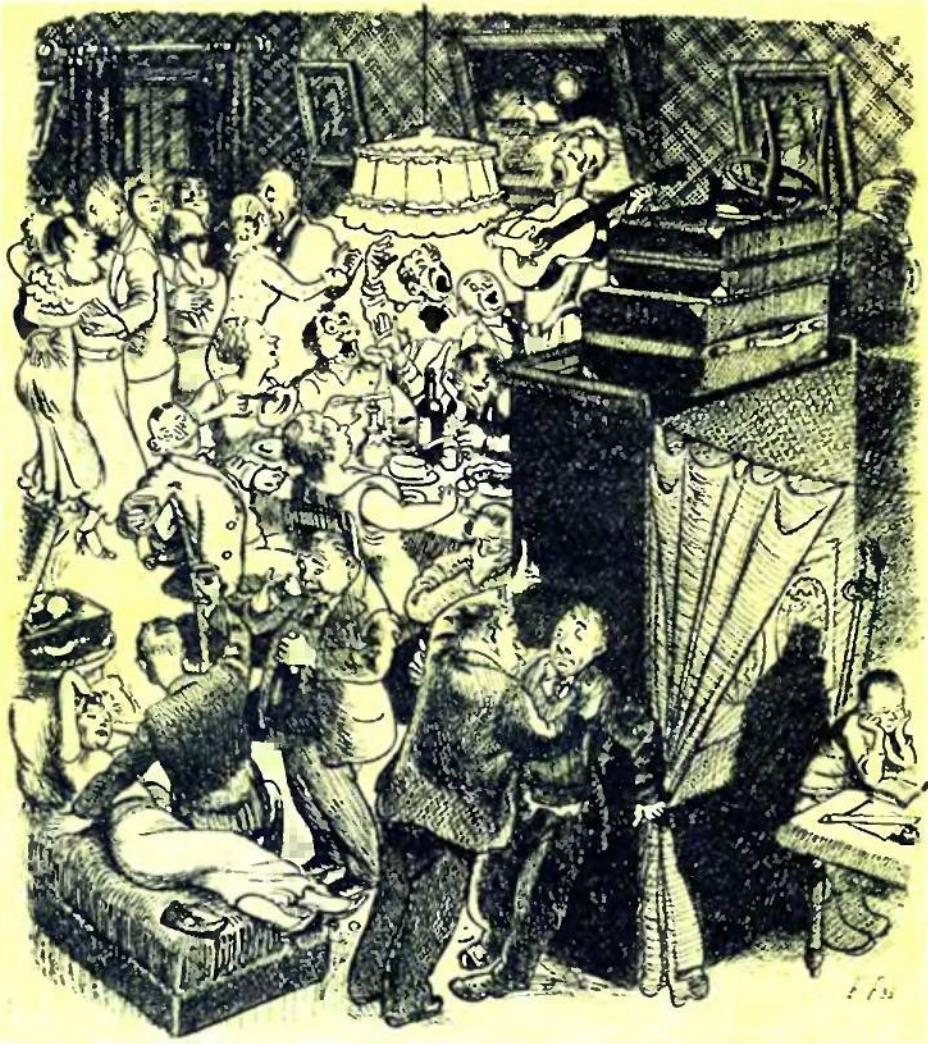
За оформление Кузнецкого моста Ротов вместе с другими художниками и литераторами «Крокодила» получили благодарность Президиума Московского Совета.

Вот что писал в те дни С. Гехт на страницах «Вечерней Москвы» о выдумке крокодильцев:

— В эти дни было очень весело на Кузнецком мосту. Он стал своеобразной вотчиной крокодильских художников... Гуляющие москвичи узнавали лихие перья Курьиников, Ефимова, Ротова, Чоромыха и других. Красные зу-

Маленькие разногласия на общей кухне по поводу исчезновения одной иголки для прочистки примуса.

ЗАБОТА О СЫНЕ

— Удивительно! Сын у меня такой способный мальчишка, а уроки готовит почему-то плохо...

1936

батые крокодилы стояли на всех перекрестках. Они протягивали публике плакаты, зазывая посетить и осмотреть сатирический музей:

«Адрес прост — восьмь Кузнецкий мост.
Вход бесплатный — туда и обратно!»

Я слышал, как смеялась и прохладила публика. Я слышал веселые восклицания у каждой витрины. Вот маски из папье-маше. Попробуйтесь: тут двурушник, тут оппортунист, тут лодырь. Хотите познакомиться с лжеударником? Посмотрите, как он таскает жвасиную балку. В то время как другие несут, он делает вид, что ему тяжелее всех; он шумит, у него залихватское лицо... а между тем ноги его повисли в воздухе...³

Все москвичи помнят, каким общественным вниманием было окружено строительство нового моста через Москву-реку в Лужниках. Там тоже работала бригада «Крокодила» и, конечно, с непременным участием Ротова. После завершения работ он в числе прочих крокодильцев был приглашен на открытие этого замечательного сооружения. Как назло Константин Павлович хворал гриппом, но такое событие в жизни столицы не могло обойтись без его участия. И, напичкавшись всеми существующими кальцеосами и аспиринаами, Кости принял все-таки участие в этом торжестве.

Заметное место в творчестве К. П. Ротова занимала газетная карикатура, в основном на международную тематику. Через день, в очередь с Юлием Абрамовичем Ганфом, начали они в 1928 году работать в «Правдой». Приезжали в редакцию часа в три дня. Их дожидался Михаил Косовский — старый, опытный журналист, специализировавшийся на придумывании тем для газетных карикатур и журнальных сатирических рисунков.

У него уже было подготовлено несколько вариантов тем. Выбирали наиболее острые. Художники тут же делали карандашные наброски и отправлялись к редактору на утверждение. Случалось, что все варианты безжалостно браковались, и тогда Косовский с трагическим выражением лица, так не гармонизовавшим с добродушием этого веско-

³ Это описание широко известного рисунка К. П. Ротова «Лжеударник на стройке» (1932 г.).

лого толстяка, садился снова за придумывание сатирических козней против Бринанов и Чемберленов...

Наиболее удачными газетными рисунками Ротова оказались те, где удавалось играть на веселых и смешных деталях, в придумывании которых он держал постоянное и бесспорное первенство.

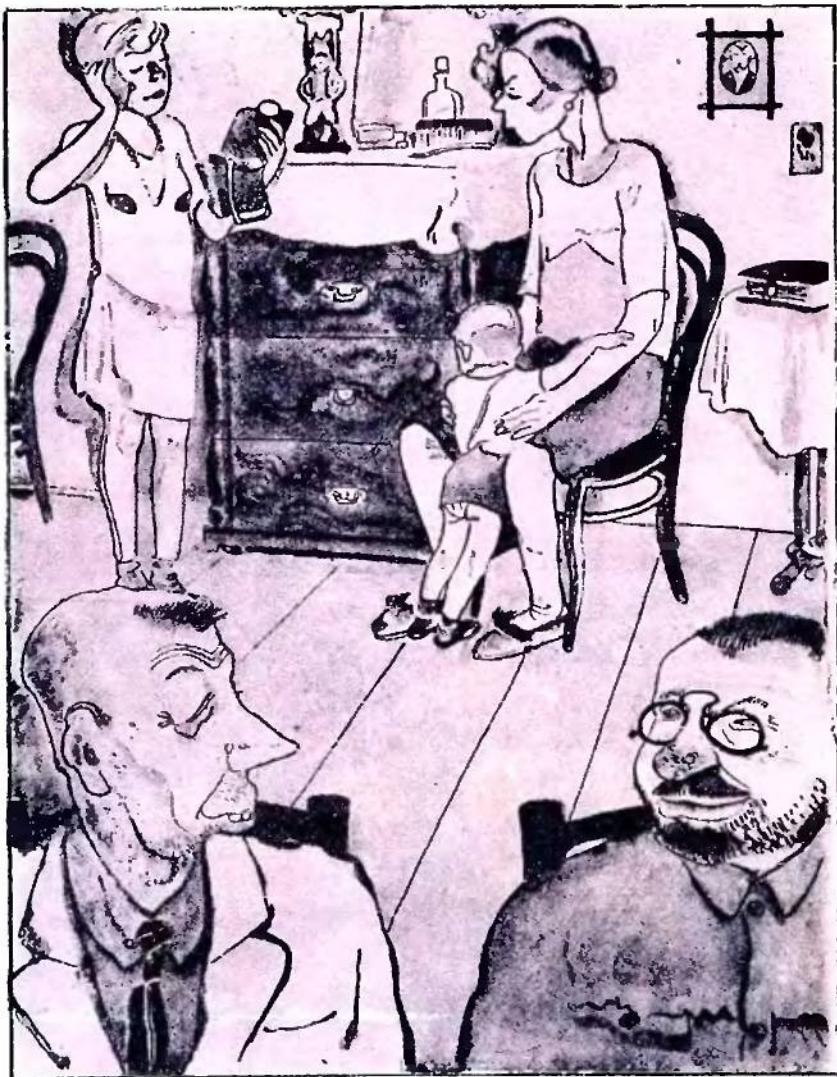
Вот почему он любил переводить свои рисунки на международные темы в бытовой план. Вспоминается как пример его карикатура в «Крокодиле» «В европейском общежитии» (1929). Ротов изобразил длиннющий коридор общежития, в котором жильцы каждой комнаты олицетворяли одно из европейских государств. Все «соседи» ядовито шипели на единственного мирного жильца (СССР).

Следует еще отметить, что Ротов и Ганф в период своей многолетней работы в «Правде», кроме регулярно появлявшихся рисунков на первой полосе (в правом верхнем углу), еще много рисовали в «Листках Рабкрина», печатавшихся в газете сженедельно.

Часов в девять вечера оригинал рисунка сдавался в цинкографию, а Ротова уже ждали в «Комсомольской правде», Ганф же в этот день ездил еще рисовать в «Гудок». На следующий день Ганф работал в «Комсомолке», а Ротов в «Гудке».

В 1932 году, когда редактором чрезвычайно популярной в свое время массовой «Рабочей газеты» был Феликс Яковлевич Кон — большой знаток и любитель карикатуры, сатирические рисунки на первой полосе появлялись ежедневно. Их тоже в очередь давали Ротов и Ганф на мои темы. Как-то вызвал нас Феликс Яковлевич и высказал такое пожелание: в течение двух месяцев давать политическую карикатуру ежедневно, не пропустив ни одного номера газеты. Если нам это удастся, редактор обещал специальную премию.

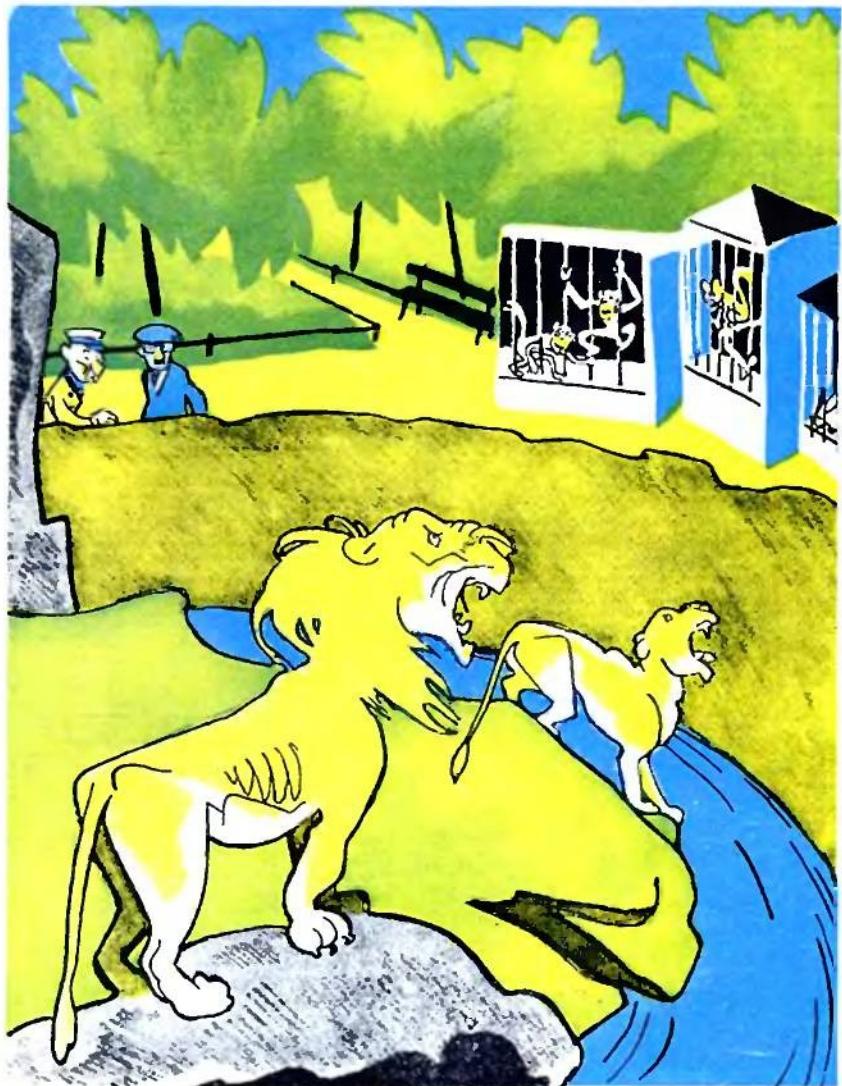
Нас, конечно, привлекла не столько премия, сколько необычность самого предложения, свидетельствующего о большом внимании к карикатуре. Мы обещали Феликсу Яковлевичу постараться и, нужно сказать, не осрамились. Бывали весьма критические дни, когда Кон безжалостно браковал все предложения, и наше обязательство висело

ПЛАНОВОЕ ДОМОХОЗЯЙСТВО

— Вы знаете, я с каждым годом бью свою жену все меньше и меньше, с таким расчетом, чтобы к концу пятилетки она полностью раскрылась.

1931

ПО-ЛЮДСКИ

— Интересно, как звери к самокритике относятся?
— Так же, как люди: львы рычат, мелкота пищт...

1927

уже на волоске. Но в последний момент выплывал спасительный вариант и в лихорадочной спешке доделывалась очередная сатирическая «мини» против злобных врагов Советов. А наутро рисунок как ни в чем не бывало красовался на своем месте — в правом верхнем углу первой полосы.

Двухмесячное испытание было художниками выдержано, и Феликс Яковлевич Кон оказался хозяином своего слова, наградив их ценностями подарками.

Говоря о работе К. П. Ротова в газете, нельзя не заметить, что если в области юмористического рисунка он не имел себе равных, то в его политической карикатуре следует отметить некоторые недостатки. Ротов иногда переносил в газетную карикатуру излишнюю детализацию, вполне уместную и нужную в журнальном рисунке, в результате чего терялся выразительный лаконизм, столь свойственный таким мастерам газетного рисунка, как Виктор Дени, Борис Ефимов.

Ведь если сравнить журнальный рисунок с письмом, то газетная карикатура — это краткая телеграмма, быстрый и острый отклик на события.

Ротов был великолепным иллюстратором. Вспомним его интереснейшие рисунки к «Двенадцати стульям» Ильфа и Петрова, классические иллюстрации к многочисленным произведениям для детей Самуила Маршака, Корнея Чуковского и Сергея Михалкова. Достаточно назвать его портрет дяди Степы, удивительный по своей выразительности и близости к авторскому замыслу.

Для Ротова как бы не существовало трудностей. Такое сложнейшее для иллюстрации произведение, как «Хоттабыч» Л. Лагина со всеми его фантастическими ситуациями, буквально засверкало, оживленное волшебной ротовской выдумкой.

Вспоминаю, как влюблены были в ротовские рисунки Валентин Петрович Кацаев и Василий Иванович Лебедев-Кумзач. Они неизменно обращались ко мне как художественному редактору «Крокодила» с просьбой, чтобы их фельетоны обязательно иллюстрировал Константин Павлович...

— Ротов буквально обогащает авторский материал, — говорил В. П. Кацаев.

О СЕРЕНЬКОМ КОЗЛИКЕ

(Новый вариант)

1950

ГОРЬКАЯ ОБИДА

— Увольнили... За пьянство, говорят... Что же?! Такие, как я, на улице не валяются...

1927

— Его рисунки расширяют кругозор читателей, позволяют им увидеть очень важные черты и детали, которые могут пройти незамеченными при чтении произведения. Больше того, бывает и так, что не только читатель, но и сам автор произведения, глядя на ротовские иллюстрации, тоже делает открытия и видит собственные мысли в новом свете, в совершенно неожиданном повороте. Вот что такое настоящий талант!

Впоследствии Ротов сделал отличные иллюстрации к повести В. Катаева «Белеет парус одинокий».

Сам Константин Павлович критически относился к своим иллюстрациям раннего периода. В своей статье «Об искренности»⁴ он признается, что первое время подражал манере таких художников, как Чехонин, Нарбут, Митрохин. В рисунках того периода не было, по его собственному свидетельству, главного: искренности, теплоты, художественной простоты.

Все эти качества, характерные для творчества К. П. Ротова, пришли несколько позже и принесли ему большую популярность как иллюстратору произведений Ильфа и Петрова, С. Маршака, К. Чуковского, А. Барто, С. Михалкова, Л. Лагина и других известных писателей. Нельзя не упомянуть чудесное издание стихов Самуила Маршака со страничными иллюстрациями Ротова, вышедшее в 1938 году.

Очень интересно рассказывает о Ротове-иллюстраторе писатель Андрей Некрасов, произведение которого «Приключения капитана Врунгеля» вышло с замечательными иллюстрациями Константина Павловича:

«История их такова. Ротов был в то время с головой завален работой и день за днем откладывал разговор об иллюстрациях для «Врунгеля». Наконец, буквально высledив его, я поймал Ротова в столовой издательства «Правда» и тут между сосисками и кофе кратко рассказал ему содержание повести. Ротов сначала отмахивался, ссылаясь на занятость, но на другой день сам позвонил мне и пригласил для разговора.

Ротов очень любил музыку. Отличный по тем временам приемник стоял в его маленьком рабочем кабинете и

⁴ Детская литература, 1935 г., № 3.

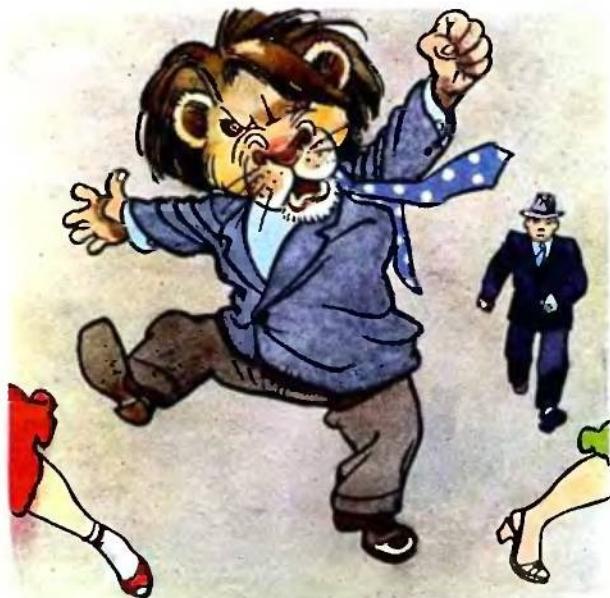
ОДИН МУДРЕЦ СКАЗАЛ: ВИНО СООБЩАЕТ КАЖДОМУ, КТО ПЬЕТ ЕГО, ЧЕТЫРЕ КАЧЕСТВА.

Вначале человек становится похожим на павлина — он пыжится, его движения плавны и величавы.

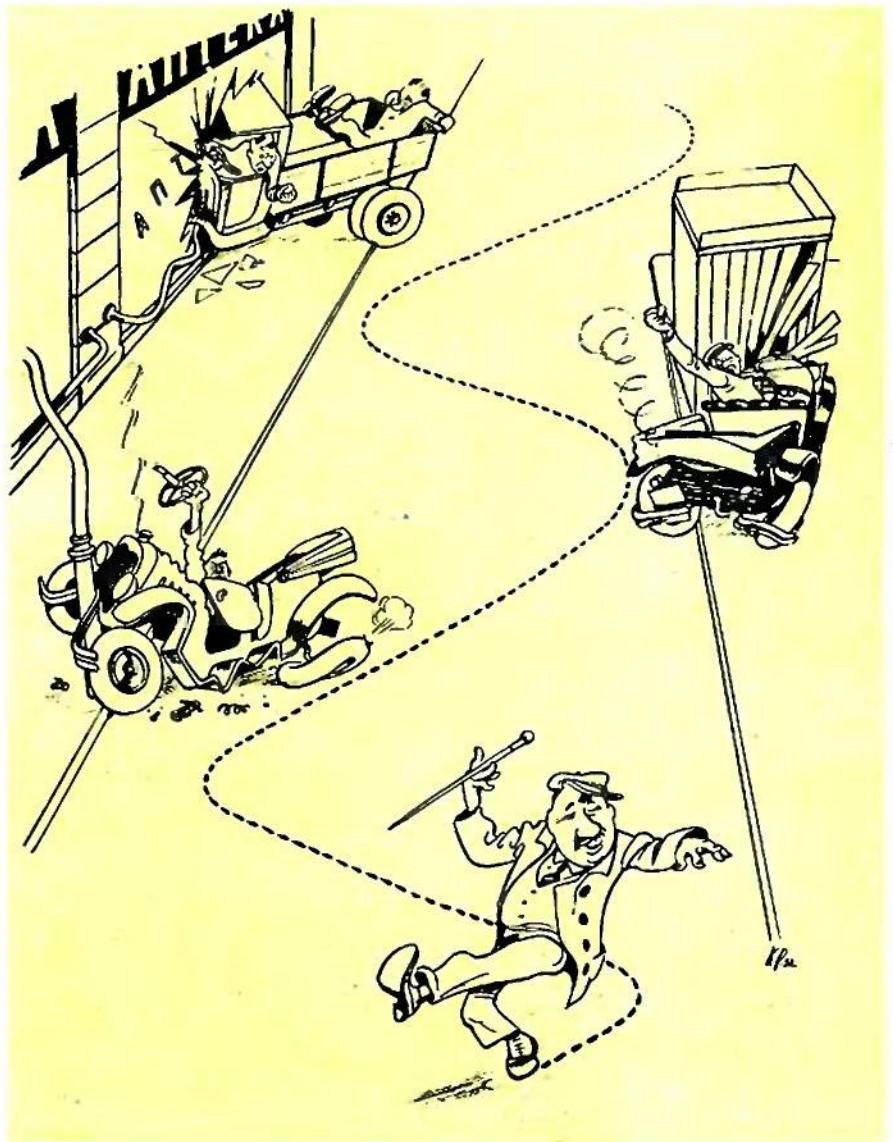
Затем он приобретает характер обезьяны и начинает со всеми шутить и засигрывать.

Потом он уподобляется льву и становится самонадеянным, гордым, уверенным в своей силе.

Но в заключение он превращается в свинью и, подобно ей, валяется в грязи.

— А говорят еще, что по мостовой ходить опасно...

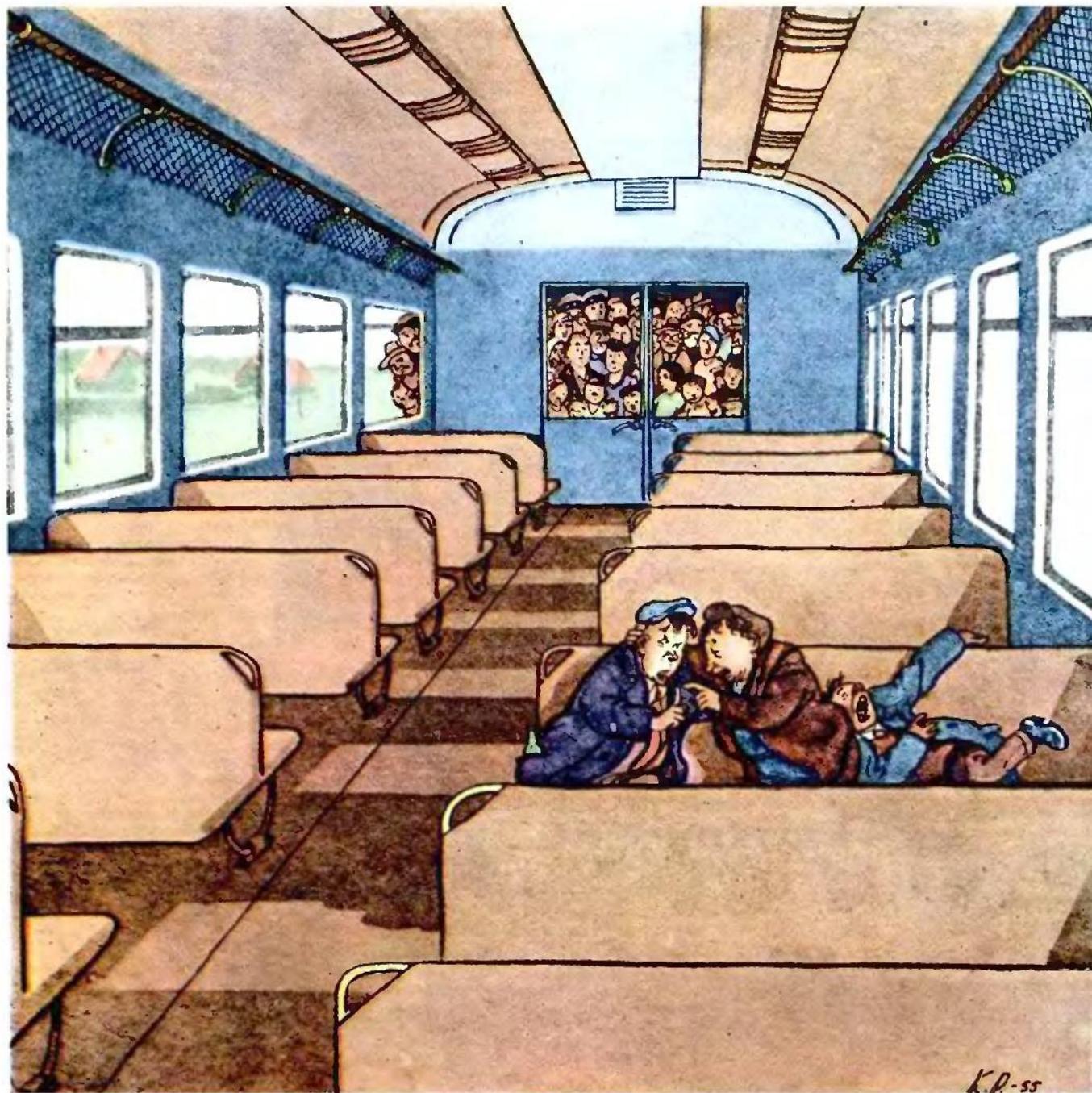
1932

все время потихоньку, чтобы не мешать беседе, наигрывал какие-то мелодии. Ротов, вооружившись карандашами, резинками и бумагой, высматривал у меня подробности устройства яхты капитана Врунгеля и управления ею, черты характеров и внешности героев. Его вопросы выходили далеко за рамки текста. Его интересовало и семейное положение моих героев, и их социальное происхождение, и образование. И тут же на листочках ватмана Ротов набрасывал бесчисленные варианты портретов персонажей повести, их фигуры, руки, глаза, одежду, движения... К концу этого памятного для меня разговора, длившегося несколько часов, я впервые увидел яхту «Беда», Врунгеля, Лома и Фукса такими, какими два месяца спустя увидели их читатели «Пионера»...

За время существования книжки многие художники и у нас и за границей брались за иллюстрацию «Врунгеля», но мне кажется, что до сих пор никто из них не превзошел Константина Павловича Ротова. Работа с Ротовым была отличной школой для меня. Удивительный мастер детали, Ротов и меня заставлял внимательнее приглядываться к подробностям ситуаций, в которых оказывались мои герои. А это, в свою очередь, постоянно отражалось и на тексте рукописи; комизм положения, на котором в целом построена повесть, дополнялся, таким образом, комизион детали, что делало текст и реалистичнее и смешнее.

Иногда рисунки Ротова служили для меня прямыми подсказками для доработки текста. Рассматривая в редакции пробные листы, я обратил внимание на один из рисунков: стоя на корме «Беды», Врунгель с экипажем вышибал пробки из бутылок с шампанским. Одна деталь поразила меня в этом рисунке: в море падали подбитые пробками чайки. Эта отличная деталь просилась в текст. Но сделать ничего уже было невозможно, и только в книжном варианте два года спустя в повести появилась фраза: «Падают в море подбитые чайки...» Эта фраза, на мой взгляд, делает сцену выразительнее и динамичнее⁵.

⁵ Андрей Некрасов. «История с Врунгелем». «Детская литература» № 8, 1968 г.

В ПРИГОРОДНОМ ПОЕЗДЕ

Просим читателей ответить: на какой дороге вы видели эту картину?

1955

ФЕЛИКС КОН: —Наконец-то новый автор!.. Что вы написали?

ХАЛТУРЩИК: — Заявление об авансе...

1932

Так яркая фантазия художника дополняла, украшала текст, помогала автору сделать своих героев более жизненными, объемными, красочными.

Ротов понимал, что настоящая иллюстрация — это гораздо больше, чем добросовестное изображение событий, излагаемых в тексте. В своих рисунках он всегда говорил собственное слово, дополнял автора, открывая часто детали, почему либо не доходившие до читателя при чтении текста.

Ротов был влюблён в технику и, как ребёнок, восторженно радовался всяким новейшим достижениям, начиная с воздушного лайнера последней конструкции и кончая остроумной и оригинально оформленной технической игрушкой. В течение ряда лет Константин Павлович был членом редколлегии популярного детского журнала «Юный техник» и автором множества остроумнейших рисунков, увлекательно популяризирующих новинки в различных областях техники.

Константин Павлович очень любил ребят, и особое удовольствие ему доставляло делать рисунки на детскую тематику. Вот почему с таким увлечением Ротов работал в журнале «Весёлые картинки», на страницах которого он печатался регулярно.

Достаточно вспомнить, что в 1956 году, когда только начался выход журнала, в первых четырех номерах «Весёлых картинок» было помещено два больших ротовских разворота и еще три страничных рисунка. Кстати, обложка первого номера нового журнала тоже принадлежала ему. В 1957 году в «Весёлых картинках» было помещено десять разворотов (!) — сложнейших многофигурных рисунков.

Михаил Михайлович Черемных, очень любивший Константина Павловича и высоко ценивший его талант, сидя как-то в редакции «Весёлых картинок», шутя заметил:

— Костя, сколько же ты нарисовал разворотов! Пора называть тебя не Ротов, а Разворотов..

Ротову пришлось пережить большую трагедию. По ложному доносу он был репрессирован в годы «культы личности», но, даже находясь в лагере, он много рисовал, оформляя в клубе театраль-

СВОЕВРЕМЕННАЯ ПОДДЕРЖКА

— Ну, что, могу я надеяться?

— Может. С сего числа особым приказом вы зачисляйтесь в молодые дарования.

1931

KP-56

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

— А как же свиньи залезают на дерево?

— Понятия не имею. Я слышал только, что они питаются желудями.

1956

ные постановки, стенгазеты, красочные плакаты. После реабилитации он снова вернулся к плодотворной работе в печати. Кукрыники вспоминают, что, когда они спросили Костя, не будет ли мешать его работе пережитое им чувство обиды, он ответил очень просто:

— Нет. Те, по чьей вине я пострадал, сурово наказаны, а больше мне не на кого обижаться. Я с огромным счастьем буду работать для народа, как работал всегда. Только бы позволило здоровье...

Наследство, оставленное им,— это настоящий художественный клад, который уже выдержал и еще многие десятилетия выдержит испытание временем.

Рогов сразу засиял на сатирическом небосклоне, как звезда первой величины, и блеск его творчества разгорался все ярче и ярче, пока преждевременная смерть безжалостно не логасила талант этого незабываемого поэта и рыцаря смеха, носителя веселой и жизнерадостной улыбки.

Имя Рогова останется в истории карикатуры наряду с Домье, Гульбрансоном, Жаном Эффлем и всей блестящей плеядой наших советских карикaturистов, получивших мировое признание.

Точно так же, как в календаре помечают даты рождения выдающихся ученых, политических деятелей, актеров, художников, композиторов, на листке от 4 марта 1902 года должна занять свое почетное место дата рождения замечательного мастера смеха, одного из ярчайших представителей сатирического флемени — Константина Павловича Рогова.

И. АБРАМСКИЙ
Заслуженный работник культуры
РСФСР

Как выглядел бы город, если бы конструкторы-транспортники следовали вкусам некоторых наших архитекторов.

1956

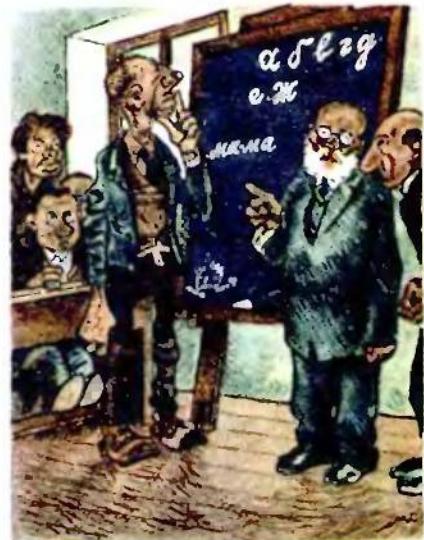
ОБОРОННЫЙ СЕКРЕТ

— Дедушка, я вам сейчас что-то расскажу, но только, умоляю вас, никому не передавайт!

1937

ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

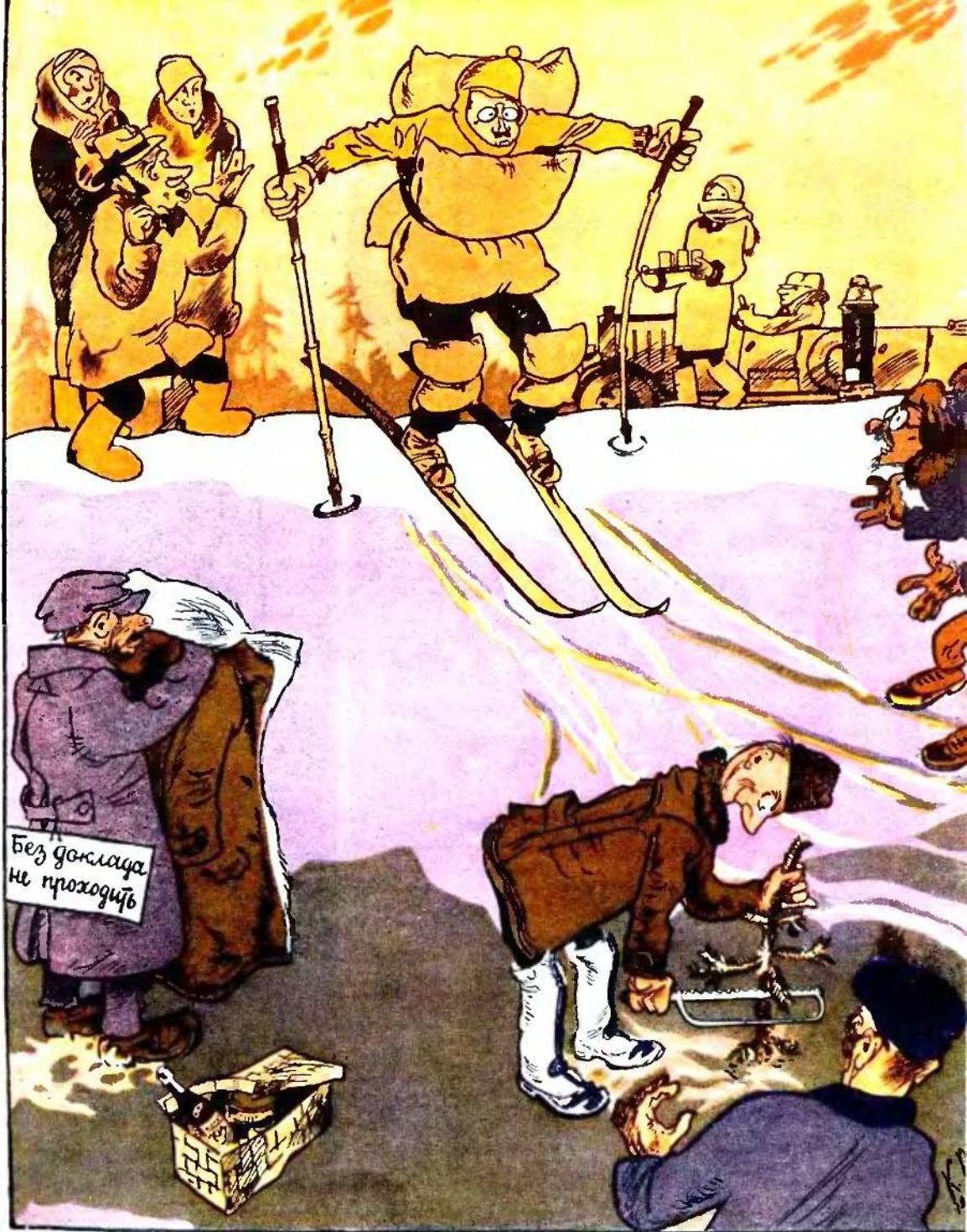

ДОСТИЖЕНИЕ

— Ну, как успехи?

— Прекрасно. Вон тот, маленький, еще не все буквы выучил, а уже три романа написал...

1928

СЕЗОННОЕ

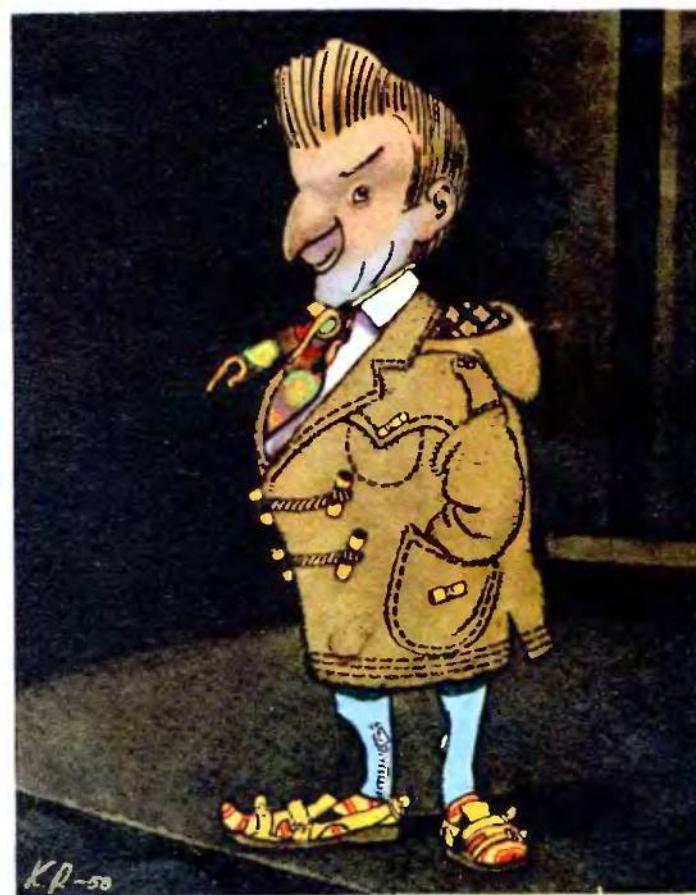
Первый выезд начальства на лыжах.

1927

ПОЧТИ ПО БРЕМУ

БЕГЕМОТ

KP-58

ПОПУГАЙ

1958

Константин Ротов

КАРИКАТУРЫ

Редактор Бор. Ефимов.

Составитель и художественный редактор
И. Абрамский.

Технический редактор Г. Огурцов.

А 00142

Подписано к печати 18/IX—1970 г.

Объем 3,48 усл. печатного листа.

Формат 70×90/12

Тираж 100 000 экземпляров.

Издательский № 2031.

Заказ № 1233.

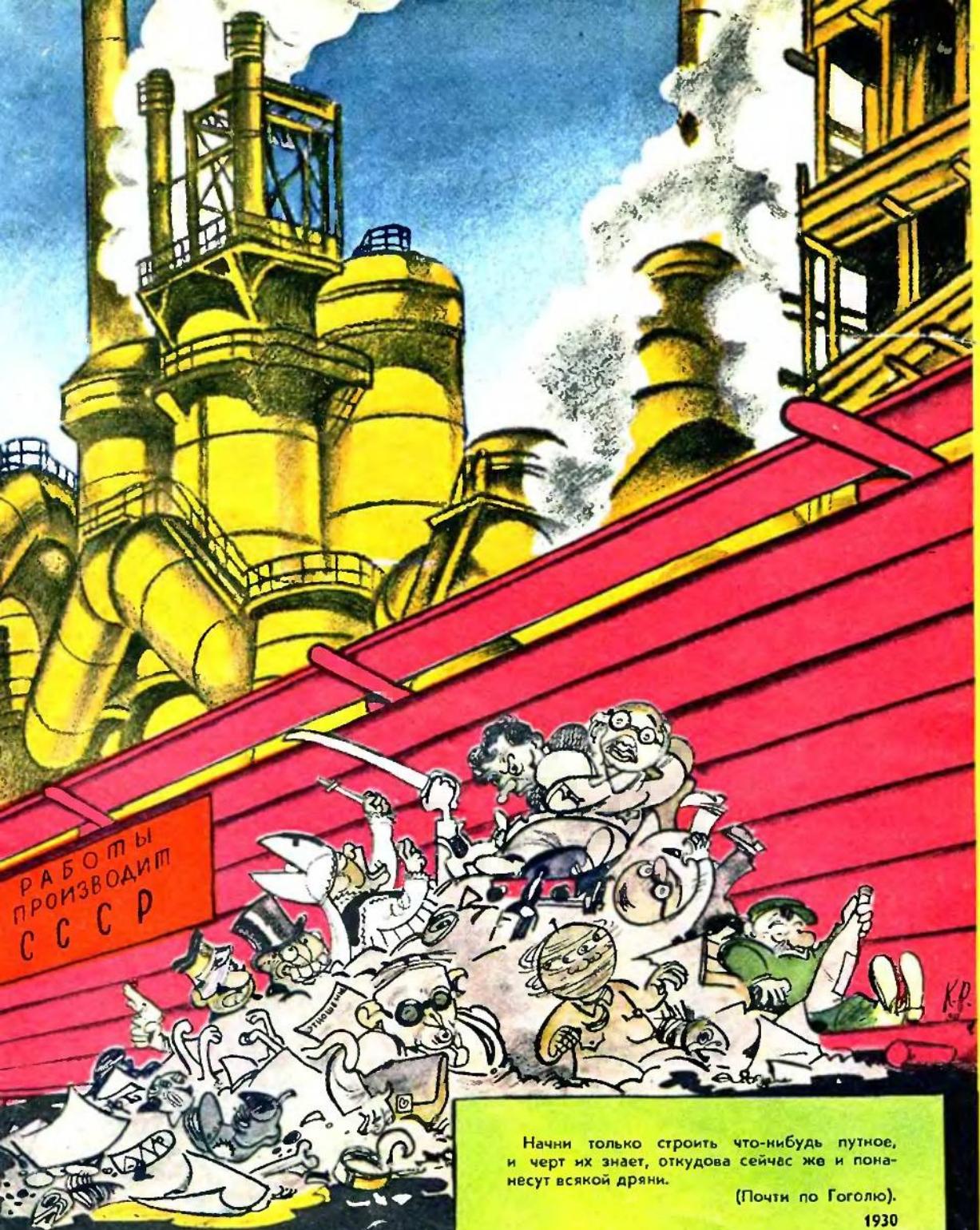
Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

1956

КР-8

ЗАТЯНУВШИЙСЯ
ПЕРЕХОД

Цена 30 коп.

Начни только строить что-нибудь путное,
и черт их знает, откудова сейчас же и понесут всякой дряни.

(Почти по Гоголю).

1930